КЕВИН ХИРН

HOUNDED

ПРЕСЛЕДУЕМЫЙ

ХРОНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ДРУИДА

Urban Fantasy. Новый Магический Реализм

Кевин Хирн

Преследуемый. Hounded

«Эксмо»

2011

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Хирн К.

Преследуемый. Hounded / К. Хирн — «Эксмо», 2011 — (Urban Fantasy. Новый Магический Реализм)

ISBN 978-5-04-089558-8

Аттикус О'Салливан, последний друид, мирно живёт в Аризоне, занимается своим оккультным книжным магазином и иногда оборачивается, чтобы поохотиться со своим верным псом — ирландским волкодавом. Для соседей и покупателей он симпатичный, татуированный ирландский парниша лет за двадцать, но на самом деле его возраст насчитывает две тысячи лет. Стоит упомянуть, что он обладает острым умом и не менее острым магическим мечом, известным как Фрагарах, Находящий Ответы. К несчастью, очень недовольный кельтский бог хочет присвоить этот меч себе и преследует Аттикуса веками. Друиду понадобятся вся его магия, вся помощь друзей — обольстительной богини смерти Морриган, оборотне-вампирского дуэта адвокатов и сексуальной барменши, в которую вселилась индуистская ведьма. Также не помешает капелька старого доброго ирландского везения, чтобы избавить себя от поползновений всякого зла! Впервые на русском языке начало Хроник Железного Друида!

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-089558-8

© Хирн К., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

Путеводитель по произношению ирландских имен 6
Глава 1 8
Глава 2 13
Глава 3 23
Глава 4 26
Глава 5 30
Глава 6 37
Глава 7 43
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Кевин Хирн
Преследуемый. Hounded

Смотри, мама, я это сделал!
Можно положить в холодильник?

Путеводитель по произношению ирландских имен

Я хочу, чтобы мои читатели с самого начала понимали: они могут произносить имена, появляющиеся в этой книге, так, как посчитают нужным. Я сочинял свой роман для того, чтобы он доставлял людям удовольствие, и не собираюсь портить впечатление авторским брюзжанием, будто «кое-кто из вас не в ладах с правильным произношением». Однако сторонники пунктуальности и точности могут быть спокойны: я составил для них простой путеводитель по именам, а также некоторым словам, которые могут немного озадачить читателей, знакомых с английским языком, поскольку ирландская фонетика отличается от английской. Но следует помнить одно: диакритические знаки над гласными буквами обозначают не ударение, а определенные гласные звуки.

ИМЕНА

Aenghus Óg – Энгус Ог
Airmid – Эйрмит
Bres – Брес
Brighid – Бригит
Cairbre – Карбре
Conaire – Конайре
Cúchulainn – Кухулин
DianCecht – Диан Кехт
Fianna – Фианна
Finn Mac Cumhaill – Финн Маккул
Flidais – Флидас
Fragarach – Фрагарах
Granuaile – Грануаль
Lugh Lámhfhada – Луг Лавада
Manannan MacLir – Мананнан Мак Лир
Miach – Миах
Mogh Nuadhat – Мох Нуадат
Moralltach – Моралтах
Ó Suileabháin – О'Салливан
Siodhachan – Сиодахан
Tuatha Dé Danann – Туата Де Данонн

МЕСТА

Gabhra – Габра
Mag Mell – Маг Мэлл
Magh Léna – Маг Лейна
Tír na nÓg – Тир на Ног

ГЛАГОЛЫ

Coinnigh – конни – держать, хранить
Dóigh – дой – сжигать

Dún – дун – закрывать или запечатывать
Oscail – оскилл – открывать

ДЕРЕВЬЯ

Фейрн – ольха
Ийо – тис
Ньетал – тростник
Чиннех – остролист
Ора – вереск

Глава 1

Если ты уже прожил на белом свете двадцать один век и не собираешься умирать, ты способен сполна насладиться своим существованием на земле. Вдобавок иногда ты можешь стать свидетелем столь редкого события, как появление на свет гения. Правда, надо отметить, что само возмужание гения происходит всегда одинаково: кто-то стряхивает с плеч груз культурных традиций, игнорирует злобные взгляды представителей власти и совершает нечто такое, что ставит его в один ряд с великими сумасшедшими былых эпох.

Галилей являлся моим персональным любимчиком. Он занимает первое место в моем списке. За ним идет Ван Гог, который возвел свое безумие в абсолют.

Благодарение Богине, никто и не догадается, что я встречал Галилея, видел оригинальные постановки пьес Шекспира или скакал верхом на коне, вклинившись в орду Чингисхана. Когда меня спрашивают, сколько мне лет, я отвечаю, что мне двадцать один, – и если любопытные думают, что я имею в виду годы, а не декады или века, что ж, моей вины здесь нет. Между прочим, у меня даже проверяют документы: любой осведомленный человек преклонного возраста сказал бы, что в моем случае это невероятно лестно.

Однако внешность молодого ирландца не очень-то и выручает меня в некоторых ситуациях, поэтому я соблюдаю осторожность и никогда не хвастаюсь первому встречному, что я – ходячая энциклопедия. Может, я и перестраховываюсь, но я уже давным-давно свыкся со своей паранойей, так что ничего тут не поделаешь.

Сам я владею магазинчиком оккультных товаров, где нашлось место и крошечному аптечному киоску, втиснутому в свободный закуток заведения. Я – просвещенный парень, но если я захожу в супермаркет, народ глазеет на мои вьющиеся рыжие волосы, бледную кожу, длинную бородку клинышком и наверняка думает, что я играю в соккер и заливаю себе в глотку «Гиннесс» в неимоверных количествах. Если же я надеваю рубашку с короткими рукавами, демонстрируя миру татуировки, украшающие мою правую руку от кисти до самого плеча, все приходят к выводу, что я невменяемый рок-музыкант.

Но истина-то состоит в том, что я древний друид! Забавно, но именно поэтому мне так нравится мой легкомысленный ирландский фасад. Если бы я отрастил седую бороду, стал носить остроконечную шляпу, источал достоинство и мудрость и был ослепительно красив, у людей могли бы появиться неправильные – или же, наоборот, правильные – идеи на мой счет.

Порой я забываюсь и делаю нечто выходящее за рамки образа (к примеру, напеваю пастушьи песни на арамейском, когда стою в очереди в «Старбаксе») – но, к счастью, сейчас эти несостыковки никого не пугают. С тех пор как я переехал в Америку, я понял кое-что важное: здешние обыватели либо напрочь игнорируют твое эксцентричное поведение, либо меняют место жительства и покупают дом в тихом пригороде, чтобы быть вдали от всяких фриков.

А в прежние времена такого не случалось! Чужаков сжигали на кострах или забивали камнями. Но и в наши дни тоже надо быть начеку, поэтому я трачу много сил на маскировку и стараюсь не выделяться из толпы. Впрочем, теперь непохожесть на других грозит травлей и дискриминацией, что, по моим представлениям, является огромным шагом по сравнению со смертью на потеху простолюдинам.

В общем, жизнь в третьем тысячелетии имеет свои загвоздки и сложности, хотя меня почти все устраивает. Мои приятели из рядов «старой гвардии» уверены, что привлекательность прогресса основывается на чудесных достижениях вроде водопровода и солнечных очков – а для меня главным и неоспоримым плюсом является тотальное безбожие современной Америки.

Когда я был помоложе и скрывался от римлян, я в буквальном смысле слова спотыкался о священные камни, установленные европейскими язычниками повсюду. Зато здесь, в Аризоне,

мне приходится беспокоиться только о случайной встрече с Койотом, хотя, если честно, он мне весьма импонирует. (Койот совсем не похож на Тора, и мы с ним прекрасно ладим. Кстати, даже умники из колледжа описали бы Тора как «негодяя и ублюдка», доведись им столкнуться с этим типом поздней ночью!)

У Аризоны есть еще одно преимущество, которое настоящий друид оценил бы по достоинству. В Аризоне нет никаких фэйри! Я имею в виду не крылатых симпатяшек, которых Дисней прозвал «феями». Я говорю про «малый народец», сидов, истинных потомков племени Туата Де Дананн, родившихся в Тир на Ног,[1] причем любой из них может запросто вспороть тебе живот или крепко обнять. Они мне не слишком нравятся, поэтому я держусь от них подальше. В Старом Свете у них имеется множество порталов для проникновения в наше измерение, а в Новом для таких перемещений им требуется дуб, ясень и боярышник. Хорошо, что в Аризоне эти деревья являются редкостью.

Конечно, я уже исследовал парочку подходящих мест вроде Уайт-Маунтинс, что рядом с границей Нью-Мексико, а еще изучил несколько прибрежных участков возле Тусона – предусмотрительность никогда не помешает! Могу вам сказать, что потенциальные порталы расположены более чем в сотне миль от города Темпе, где я живу. Полагаю, вероятность того, что фэйри просочатся, допустим, в Калифорнию, после чего отправятся пешком по пустыне на поиски отбившегося от стаи друида, ничтожно малы.

Вот почему мне и приглянулась Аризона. Я перебрался сюда в конце девяностых и решил, что наконец-то обрел покой. В основном местные жители отличаются радушием и гостеприимством, да и аризонские пейзажи трудно забыть.

И хотя на реализацию своей американской мечты я потратил более десяти лет, оно того стоило! Я создал себе новую личность, арендовал помещение для магазина, повесил на дверях вывеску «ТРЕТИЙ ГЛАЗ, КНИГИ И ТРАВЫ» (это аллюзия на ведические и буддистские верования, поскольку кельтское название стало бы чем-то вроде красного флага для охотников на друидов) и разложил товары на прилавке. А еще я купил маленький домик, куда мог бы добраться из своей лавочки на велосипеде.

Так все и началось. Я продавал кристаллы и карты Таро студентам из протестантских колледжей – ребята скупали их, чтобы шокировать родителей, – и торговал чтивом по черной магии с приворотными «заклинаниями». В моем ассортименте имелись и травяные настойки для тех, кто не жаловал врачей, и, естественно, я запасся кучей псевдоманускриптов по магии друидов. На самом деле их сочинили графоманы Викторианской эпохи, и они являлись полной чушью: если мне удавалось сбагрить какой-нибудь из них, я получал огромное удовольствие.

Примерно раз в месяц меня навещал любитель магии, который всегда спрашивал меня про наличие подлинного гримуара (а с этой штукой лучше не связываться, потому что лишь подкованные пользователи могут справиться с заклинаниями данного средневекового творения). Редкие книги я в основном продавал через Интернет, который стал в моих глазах вехой в истории человечества.

Увы, тут-то я и сплоховал! Ведь когда я выбирал себе место работы, я не сообразил, что меня с легкостью найдут через Сеть. Мысль о том, что Туата Де Дананн могут попытаться использовать Всемирную паутину, почему-то не приходила мне в голову. Я думал, они будут искать меня по карте с помощью кристалла или используют другие методы прорицания, но, разумеется, напрочь отвергнут Интернет – поэтому забыл о стандартных мерах предосторожности, когда придумывал себе псевдоним. Что за дурень!..

Мне бы смиренно назваться Джоном Смитом, но – нет! – гордость не позволила мне взять христианское имя. Поэтому я стал О'Салливаном, что являлось английской версией моего

[1] Тир на Ног – в кельтской мифологии «остров юных», страна вечной молодости: место, где нет болезней, голода и страданий. Там обитают племена богини Дану. (*Здесь и далее – прим. переводчиков*.)

настоящего имени, а для каждодневного использования я решил, что мне подойдет греческое – Аттикус.

Выяснилось, что фэйри с лихвой хватило информации о некоем О'Салливане, предположительно двадцати одного года от роду, хозяине магазина, торгующего книгами по оккультным наукам, в том числе и невероятно древними манускриптами и прочей «дребеденью».

В пятницу, за три недели до Самайна,[2] фэйри напали на меня, когда я вышел из своей лавчонки, чтобы перекусить. Представьте себе, без малейшего предупреждения, даже без возгласа «Защищайся!».

Итак, на уровне моих колен просвистел меч, но рука, в которой он был зажат, заставила своего хозяина потерять равновесие. Я перепрыгнул через неприятеля, не дав ему времени прийти в себя, и врезал ему локтем в лицо, сумев его вырубить. Правда, осталось еще четыре противника…

Благодарение Богам Преисподней за паранойю. Правда, я классифицировал ее как мастерство выживания, а не заболевание нервной системы. Ее можно уподобить острому лезвию ножа, отточенного на протяжении веков о точильный камень, на котором выбито «Существа, Которые Хотят Меня Убить». Именно паранойя заставляла меня носить на шее железный амулет и окружить магазинчик не только железными решетками, но и магическими заклинаниями, не подпускавшими близко фэйри и других нежелательных типов. Именно благодаря ей я усиленно тренировался в искусстве рукопашного боя и беге, соревнуясь с вампирами. Именно она множество раз спасала меня во время столкновений со всякими головорезами.

Возможно, термин «головорезы» – не слишком точное определение, поскольку оно подразумевает гору мышц и полное отсутствие интеллекта.

Мои враги выглядели так, будто они ни разу в жизни не зашли в спортивный зал и никогда не слышали про анаболические стероиды – худые, жилистые ребята, замаскировавшиеся под марафонцев, с обнаженным торсом, в бордовых шортах и дорогих кроссовках. Со стороны казалось, что они решили пропесочить меня метлами, но то была иллюзия, окутавшая их настоящее оружие. Острые наконечники были магически замаскированы среди прутьев, и, если бы я не видел реальной картины, я бы удивился, осознав, что симпатичная метелка проткнула мои жизненно важные органы насквозь.

Однако я разбирался в заклинаниях фэйри и заметил, что двое из четверых неприятелей вооружены копьями. Но пока я гадал, что к чему, третий фэйри начал обходить меня по кругу, и я занервничал еще сильнее. Кстати, под личиной людей они выглядели как самые обычные фэйри – полуголые красавцы без крыльев, совсем как ребята из рекламных роликов или клоны Орландо Блума в роли Леголаса.

Фэйри с копьями атаковали меня с двух сторон, но я пригнулся и резко отмахнулся от них. Затем я метнулся в сторону и сдавил третьему фэйри горло. Оказалось, что дышать, когда у тебя сломано адамово яблоко, совсем не просто. Итак, минус два врага. Но фэйри – весьма резвый народец, и я не видел в их глазах намека на жалость!

Когда я бросился в атаку, то оставил свою собственную спину без защиты, поэтому я крутанулся на месте и напружинился, чтобы блокировать удар, который, я не сомневался, неминуемо грядет. И я был прав – сверкающий меч, описав в воздухе дугу, уже приближался к моей голове. Я сумел остановить его, но острие все же пропороло мою руку. Было очень больно, но не так, как если бы он достиг конечной цели и раскроил мой череп. Я поморщился и, кинувшись на врага, нанес мощный удар раскрытой ладонью прямо в солнечное сплетение фэйри. Он отлетел к стене, укрепленной железными прутьями.

Трое выведено из строя. Я улыбнулся.

---

[2] Самайн – кельтский праздник окончания сбора урожая.

Теперь я мог подводить итоги. Трое фэйри пострадали не только физически, но и были отравлены магией после контакта со мной. Мой амулет связан с моей же аурой, и фэйри, разумеется, быстро смекнули, что я представлял собой Железного Друида – их наихудший кошмар во плоти. Моя первая жертва начала рассыпаться в прах, двое других стояли на пороге трагического сознания того, что все мы – лишь пыль, которую унесет ветер.

Я сбросил сандалии и прыгнул влево, освободив для фэйри стену, напичканную смертоносным железом. С точки зрения стратегии идея была прекрасной – я как раз находился возле цветника и мог позаимствовать у земли силу, дабы закрыть рану и заглушить боль. Я решил, что ткани мышц я залатаю позже – сейчас моя главная задача состояла в том, чтобы остановить кровотечение. В мире существует множество неприятных и пугающих вещей, которые не слишком дружелюбно настроенный маг в состоянии сотворить, используя кровь.

Я шагнул на землю и стал вбирать в себя ее силу, чтобы излечиться, я одновременно послал сигнал – нечто вроде мгновенного сообщения – моему знакомому железному элементалю, иначе говоря, духу определенной стихии.

Я вкратце поведал ему о том, что прямо передо мной стоит парочка фэйри, и, если элементаль хочет ими полакомиться, я не буду возражать.

Потом я благоразумно решил потянуть время и обратился к насупившимся фэйри:

– Исключительно любопытства ради, скажите-ка мне, парни, вы пытались меня захватить или убить?

Тот, что стоял слева от меня и сжимал в руке короткий меч, злобно прорычал:

– Говори, где меч!

– Какой меч? Тот, что ты держишь в руке? Он по-прежнему у тебя, громила.

– Ты знаешь, какой! Фрагарах Отвечающий!

– Понятия не имею, о чем вы. – Я покачал головой. – Кто вас послал, ребятки? Вы уверены, что напали на того, кто вам действительно нужен?

– Да! – фыркнул тот, что был с копьем. – У тебя татуировки друида, и ты раскусил нашу иллюзию.

– Многие маги на такое способны. Кроме того, в наши дни не только друиды предпочитают кельтские орнаменты. Пораскиньте мозгами, парни. Вы заявились сюда и спрашиваете меня про какой-то меч, но, будь он у меня, я бы моментально вытащил его из ножен. А давайте я дам вам подсказку: вероятно, вас отправили ко мне, чтобы вы встретили здесь свою смерть. Кстати, мотивы вашего хозяина абсолютно чисты?

– *Мы* встретили свою смерть? – выкрикнул тип с мечом, захлебываясь от возмущения. – Пятеро – против одного?

– Сейчас вас уже двое, на случай, если вы пропустили ту часть, где я прикончил троих ваших товарищей. Может, тот, кто вас послал, знал, что вас ждет?

– Энгус Ог никогда бы так с нами не поступил! – заорал тип с копьем, подтвердив мои подозрения. Я услышал имя, которое преследовало меня два тысячелетия. – Мы с ним одной крови!

– Энгус Ог хитростью выгнал собственного отца из дома! Родственные связи для таких типов, как он, не имеют ни малейшего значения. Послушайте, я тут давно, а вы нет. Кельтский бог любви любит лишь себя самого. Он не станет тратить время или рисковать, отправившись в разведку, поэтому посылает крошечный отряд своих родственничков, которых ему не жалко потерять, всякий раз, когда думает, что напал на мой след. Если они возвращаются целыми и невредимыми, он понимает, что надо и дальше продолжать поиски. Ясно вам?

На физиономиях фэйри отразилось понимание ситуации, и они даже приняли боевые стойки. Фэйри опоздали – к тому же они смотрели на меня, а не на фасад моего магазина.

А прутья в стене моей лавки бесшумно раздвинулись и превратились в челюсти с железными зубами. Черная гигантская пасть потянулась к моим врагам и тотчас захлопнулась, вце-

пившись в плоть фэйри, как будто это был творог или желе. В следующее мгновение элементаль с хлюпаньем втянул в себя обоих фэйри с такой скоростью, что они успели лишь сдавленно взвизгнуть. Заклинание рассеялось, оружие с лязгом упало на тротуар. Гигантские челюсти сомкнулись, наградив меня мимолетной довольной ухмылкой.

Перед тем как исчезнуть, элементаль успел короткими вспышками эмоций и образов, которые они используют вместо слов, сказать:

‹Друид позвал, и я пришел. Фэйри очень вкусны. Благодарю›.

А потом железный рот вновь превратился в оконную решетку.

Глава 2

Я огляделся по сторонам, чтобы проверить, не было ли поблизости свидетелей моей схватки с фэйри. К счастью, вокруг никого не оказалось – ланч был в самом разгаре. Мой магазинчик находится к югу от университета на Эш-авеню, а все ресторанчики и кафе расположены к северу, на Эш и Милл-авеню.

Я подобрал с тротуара оружие и отпер дверь. С улыбкой взглянув на вывеску «УШЕЛ НА ЛАНЧ», я перевернул ее на «ОТКРЫТО» и подумал, что мне предстоит небольшая уборка. Отправившись в чайную зону, я наполнил кувшин водой и проверил свою руку. Она до сих пор была красной и распухшей, но быстро приходила в норму, а боль мне и вовсе удалось блокировать. Однако я не хотел рисковать и не стал нагружать свои измотанные мышцы дополнительной работой, решив, что лучше мне сделать две ходки. Я достал бутылку с отбеливателем из-под раковины и, оставив кувшин на прилавке, вышел на улицу, полил отбеливателем пятна крови на тротуаре и вернулся за водой, чтобы их смыть.

После того как я справился с кровью и опять потащился в магазин, в дверной проем прямо следом за мной умудрилась влететь очень крупная ворона. Она уселась на бюст Ганеши, расправила крылья и угрожающе распушила перья. Это была Морриган, Собирательница павших и богиня войны, и она назвала меня моим ирландским именем.

– Сиодахан О'Суилибхаин, – театрально прокаркала она. – Нам нужно срочно побеседовать.

– А ты не могла бы принять облик человека? – парировал я, поставив кувшин сушиться. Я наконец-то заметил пятно крови на амулете и снял его, чтобы помыть. – Мне не нравится, когда ты со мной разговариваешь в птичьем виде. Тебе известно, что клюв не в состоянии выговаривать фрикативные звуки?

– Я прилетела сюда вовсе не для урока по лингвистике, – заявила Морриган. – У меня плохие новости. Энгус Ог знает, что ты здесь.

– Угу. Понятно. Ведь именно ты и позаботилась о пяти мертвых фэйри?

Я положил амулет на прилавок и потянулся за полотенцем, чтобы его просушить.

– Я отправила их к Мананнан Мак Лиру,[3] – сказала Морриган, упомянув кельтского бога, который провожает покойников в страну мертвых. – Но это еще не все. Энгус Ог самолично явится сюда, и, полагаю, он уже в пути.

Я застыл как вкопанный.

– Ты уверена? – спросил я. – У тебя точные сведения?

Ворона раздраженно захлопала крыльями и проскрипела:

– Если станешь дожидаться точных сведений, может стать слишком поздно!

Меня окатила волна облегчения, и напряжение, сковавшее плечи, растаяло.

– Значит, ты принесла мне очередное пророчество, – пробормотал я.

– Нет, предсказание было абсолютно точным, – возразила Морриган. – Вокруг тебя сгущаются тучи, и тебе следует бежать, если ты хочешь уцелеть.

– Все повторяется! Ты рассказываешь подобные истории каждый год, – усмехнулся я. – То сам Тор хочет раскрошить меня, то один из Олимпийцев намеревается меня казнить! Я ничуть не удивлен. Помнишь, что ты твердила раньше? Аполлон обиделся на меня за связь с университетской баскетбольной командой «Аризона Стейт Сан Девилз»…

– Сейчас все иначе.

---

[3] Мананнан Мак Лиру – в ирландской мифологии – владыка моря, живущий в краю вечной юности Эмайн Аблах (дословно – «Яблоневый Эмайн», «Яблочное имение»).

– И не важно, что я даже не посещаю университет, а просто работаю рядом. Ты сказала, что он прилетит сюда на своей золотой колеснице и нашпигует меня стрелами.

Ворона со смущенным видом повозилась на бюсте.

– Тогда это казалось вполне правдоподобной интерпретацией.

– То, что греческий бог солнца почувствовал себя оскорбленным из-за невнятных отношений древнего друида с местной баскетбольной командой, показалось тебе правдоподобным?

– Основные положения были верными, Сиодахан. Ты попал под обстрел.

– Ага. Соседские ребятишки прокололи шины моего велосипеда, выстрелив в них дротиками, Морриган. По-моему, ты несколько преувеличила грозившую мне опасность.

– Но тебе нельзя здесь оставаться. Предзнаменования очень плохие.

– Ладно. – Я вздохнул, сдаваясь. – Выкладывай.

– Я недавно общалась с Энгусом…

– Что? – Если бы я в этот момент что-то ел, я бы подавился. – Вы ведь ненавидите друг друга!

– Верно, но это не означает, что мы не можем разговаривать. Я отдыхала в Тир на Ног после визита в Месопотамию, где от души попировала – а ты не бывал там в последнее время? Отличное местечко, чтобы поразвлечься.

– Прошу прощения, но смертные называют это местечко Ирак – и, нет, я не бывал там уже несколько веков.

У нас с Морриган совершенно разные представления о веселье. Будучи Собирательницей павших, она просто обожает затяжные войны. Морриган встречается на поле боя с Кали и валькириями, и они устраивают божественный пир. Я же перестал считать войны чем-то потрясающим и великолепным еще после первых Крестовых походов.

А теперь я вообще переключился на бейсбол.

– И что Энгус?… – произнес я.

– Он улыбнулся и посоветовал мне присматривать за друзьями.

У меня глаза на лоб полезли.

– У тебя есть друзья?

– Нет, конечно. – Морриган возмущенно повела клювом из стороны в сторону. – Хотя Геката довольно забавная, и мы с ней частенько пересекаемся. Я полагаю, Энгус намекал на тебя.

Мы с Морриган заключили своего рода соглашение (хотя, на мой вкус, наш договор был несколько неопределенным), что она не придет за мной до тех пор, пока мое существование на белом свете вызывает у Энгуса Ога приступы слепой ярости. Это не совсем дружба – Морриган не из тех, кто такое позволяет, – но мы давно знаем друг друга, и она иногда меня навещает, чтобы защитить от всяческих неприятностей.

– Я буду чувствовать себя глупо, – объяснила Морриган, вытаскивая меня из Битвы при Габре, – если тебе отрубят голову, но ты все равно не умрешь. Я буду вынуждена давать объяснения. Поэтому постарайся не ставить меня в неловкое положение. В будущем мне придется забрать твою жизнь, и до того момента я намерена сохранить свою репутацию.

Жажда мести бушевала в моей крови, и я чувствовал, как магия течет по татуировкам – в том сражении я участвовал на стороне фениев и отчаянно стремился добраться до напыщенного сноба короля Карбре. Но Морриган выносила окончательный вердикт, а когда богиня смерти говорит, что ты должен покинуть поле боя, ты беспрекословно ей подчиняешься. После того как началась моя – теперь уже многовековая – вражда с Энгусом Огом, Морриган всегда пыталась предупредить меня об опасности, поэтому я думаю, что мне следует испытывать по отношению к богине искреннюю благодарность. По крайней мере, Морриган никогда не склонна недооценивать силы моего противника и не забывает сообщать мне о его кознях – а ее страсть к преувеличениям можно расценивать как милую черту характера.

– Он специально ввел тебя в заблуждение, спутав твои мысли, Морриган, – проворчал я. – Энгус нередко такое проделывает.

– Ты прав. Но я посоветовалась со стаей воронов, и их предзнаменования касательно твоего положения были удручающими. – Я поморщился, но Морриган продолжала прежде, чем я успел ее перебить: – К сожалению, ты не слишком веришь в предсказания и требуешь точности, поэтому я обратилась к гадательным палочкам.

– Ух ты! – выдохнул я.

Неужто Морриган всерьез отнеслась к вопросу моей жизни и смерти?

Существует множество способов бросать камни, руны или еще как-то использовать эти предметы, интерпретируя их комбинации в качестве картин будущего. Я в принципе не против подобного гадания – наблюдение за облаками или полетом птиц порой озадачивает меня куда больше, хотя и бросание палочек также означает чистую случайность. Птицы летают, поскольку хотят есть, спариваться или найти что-нибудь подходящее для своего гнезда, да и судить о моем или чужом будущем по рисункам на небе представляется мне нелепейшим занятием. С точки зрения логики швыряние палок на землю с гадательной целью ничем не лучше, однако здесь есть некий важный момент. Мое участие в ритуале и энергия обязательно привлекут Судьбу, которая остановится и молвит: «Вот такая пьеса и развернется на подмостках твоего личного театра».

В прошлом друиды приносили в жертву животных и узнавали о будущем по их внутренностям, но лично я считаю данную практику нездоровой и расточительной – ведь хорошего цыпленка, быка или барана использовали не по назначению. Сегодня люди говорят о таких методах гадания: «Какая жестокость! Почему они просто не могут быть веганами, как я?» Но вера друидов предполагает вполне счастливую жизнь после смерти, а возможно, и перерождение, причем не один раз, а целых десять. Поскольку душа никогда не умирает, разве имеет значение, если плоть пострадает от ножа? Но жертвоприношения – это не мое. Есть гораздо более привлекательные и надежные способы заглянуть Судьбе под юбки.

Друиды вроде меня кладут в мешок двадцать палочек, помеченных, с использованием огамического письма, именами двадцати деревьев Ирландии. Каждая несет огромный пророческий смысл – почти как карты Таро.

Расположение палочек относительно самого гадающего и является предсказанием. Естественно, положительные предзнаменования могут запросто соседствовать с негативными, что не очень-то и вдохновляет…

Итак, надо вслепую извлечь из мешка пять палочек и швырнуть их перед собой, а потом интерпретировать полученные результаты.

– И что получилось? – спросил я у Морриган.

– Четыре легли не так, как надо, – сказала она и, повернув голову с черными бусинами глаз, посмотрела на меня в упор.

– И какие деревья с тобой говорили?

Морриган нахохлилась. Наверное, она приготовилась к тому, что после ее ответа я хлопнусь в обморок совсем как стянутая корсетом барышня из романа Джейн Остин.

– Фейрн, Чиннех, Ньетал, Ора, Ийо.

Ольха, Остролист, Тростник, Вереск и Тис. Первый символизировал воина и был одновременно однозначным и невнятным символом. Остальные сообщали, что некоего воина, кем бы он ни был, ждут крупные неприятности. Остролист указывал на тяжелые испытания и серьезные вызовы, Тростник кричал о страхе, Вереск предупреждал о неожиданностях, ну а Тис предсказывал верную смерть.

– Ясно, – проговорил я равнодушным тоном. – И каким образом воин и смерть вступают во взаимоотношения?

– Тис лег поперек Ольхи.

Понятно. Воин умрет. Он удивится появлению смерти, испугается до ужаса, будет отчаянно с ней сражаться, но она неизбежна.

Морриган заметила, что я присмирел, и спросила:

– И куда ты направишься?

– Я еще не решил.

– В пустыне Мохаве есть отличные уединенные места – не чета твоему захолустью, – прокаркала она.

Похоже, Морриган хотела произвести на меня впечатление своим знанием американской географии, поскольку прокололась на Ираке. Мне стало интересно, известно ли ей про распад Югославии или про то, что Трансильвания является частью Румынии. Бессмертные обычно не обращают внимание на геополитику.

– Морриган, я пока еще нахожусь в раздумьях.

Ворона, сидевшая на бюсте Ганеши, ничего не ответила, но ее глаза на короткое мгновение обрели алый цвет, и, должен признать, мне стало немного не по себе. Морриган действительно не являлась моим лучшим другом, и я был в курсе, что наступит день – возможно, именно сегодня, – когда она решит, что я засиделся на этом свете.

Вероятно, ей надоело терпеть мое высокомерие. Ладно, тогда мне конец.

– Дай мне пару минут, чтобы поразмышлять над предсказанием, – сказал я и осекся.

Мне следовало быть поосторожнее со словами!

Глаза-бусины Морриган опять полыхнули огнем, а ее голос зазвучал тише, чем прежде, но от едва заметных обертонов у меня волосы зашевелись на затылке.

– Ты намерен сравнить свое умение толковать предсказания с моим?

– Разумеется, нет! – поспешно выпалил я. – Я лишь пытаюсь осознать смысл сказанного тобой, Морриган. Можно мне порассуждать вслух? Ольха-воин необязательно означает меня, правда?

Алый цвет радужки сменился на привычный агатовый, и Морриган принялась раздраженно елозить на бюсте.

– Конечно, – согласилась она, успокоившись. – Технически это может быть любой из тех, кто выступит против тебя, если ты одержишь победу. Но я думала о тебе, когда бросала палочки, поэтому вероятность того, что воином являешься именно ты, очень и очень высока. Грядет битва, и твои желания не имеют ни малейшего значения.

– Позволь мне задать тебе вопрос, Морриган. Ты ведь позволила мне прожить столько веков, потому что это приводит в ярость Энгуса Ога, верно? Значит, мы с ним каким-то образом связаны в твоем сознании. Поэтому, когда ты бросала палочки, могло ли так случиться, что ты думала и про него?

Морриган громко каркнула, соскочила с бюста, затем снова прыгнула на голову Ганеши и расправила крылья. Мой вопрос ей ужасно не понравился, но она быстро поняла, к чему я веду.

– Такое возможно, – прошипела она. – Но маловероятно.

– Но тебе придется признать, Морриган, весьма низкую вероятность того, что Энгус Ог покинет Тир на Ног и сам начнет охотиться за моей скромной персоной. Он наймет себе замену, как делает уже много веков.

Сила Энгуса заключалась в умении очаровывать, строить козни и влюблять в себя людей до такой степени, что они с радостью соглашались оказать ему любую услугу – к примеру, прикончить отбившегося от рук друида. За прошедшие годы он отправлял ко мне и головорезов, и убийц – меня, между прочим, очень порадовали египетские мамелюки на верблюдах! По-моему, эгоцентризм Энгуса зашкаливал: он считал, что принимать собственноличное участие в погоне за мной для него унизительно, особенно если вспомнить, что мне до сих пор удавалось уцелеть.

– А с фэйри, которых он пошлет ко мне, я справлюсь в два счета, – самодовольно произнес я.

Ворона слетела с бюста Ганеши и устремилась к моему лицу, но, прежде чем я начал беспокоиться, что она выклюет мне глаза, птица будто растаяла в воздухе.

Теперь передо мной материализовалась обнаженная изысканная женщина с молочно-белой кожей и волосами цвета воронова крыла. Морриган в роли соблазнительницы застала меня врасплох. Ее запах взбудоражил мои инстинкты, и, прежде чем она ко мне прикоснулась, я уже был готов пригласить ее к себе в спальню. В принципе мой магазин тоже прекрасно подошел бы для данной цели. Взять хотя бы место возле стола, где я обычно пью чай…

Богиня положила руку мне на плечо и провела ногтями по моей шее, заставив меня невольно вздрогнуть. Легкая улыбка заиграла в уголках ее губ, она прижалась ко мне всем телом и, наклонившись, прошептала на ухо:

– А что, если Энгус наймет суккубов, которые должны будут тебя убить? А ведь ты исключительно мудрый и древний друид, не правда ли? Жаль, что ты умрешь в мгновение ока, если он узнает про твою слабость…

В крошечном уголке моего сознания появилась мысль, что мне надо прислушаться к ее словам, но другая часть меня могла думать только о чувствах, которые Морриган во мне вызывала. Сама же Морриган внезапно отпрянула в сторону. Я попытался ее схватить, но она влепила мне увесистую пощечину и велела быть начеку именно в ту секунду, когда я без сил повалился на пол.

Я подчинился Морриган. Колдовской аромат феромонов бесследно улетучился. Моя щека горела: боль сразу же прогнала физическое желание.

– Спасибо тебе, – хриплым голосом произнес я. – Я мог бы трахнуть все, что оказалось бы на моем пути.

– Ты почти попался, Сиодахан. Энгус может заплатить смазливой смертной женщине, и она сделает за него черную работу.

– Он пробовал это провернуть, когда я в последний раз был в Италии, – сказал я, вцепившись в край раковины, чтобы подняться на ноги. Морриган не из тех, кто протягивает мужчине руку помощи. – А с суккубами я тоже встречался. У меня есть амулет, который оберегает меня от всяких тварей.

– И почему ты его не носишь?

– Я его снял пару минут назад, чтобы помыть. Имей в виду, что в моем магазине мне вообще никакие потусторонние силы не страшны.

– Очевидно, ты не совсем друид, потому что прямо сейчас ты общаешься со мной, – усмехнулась Морриган.

Она продолжала оставаться обнаженной… а я почему-то подумал о том, что, если бы в мою оккультную лавку забрел какой-нибудь покупатель, он был бы несколько шокирован.

– Прошу прощения, Морриган, я защищен от всех, кроме Туата Де Дананн. Если ты будешь внимательна, то заметишь заклинания, которые здесь повсюду. Они должны удержать фэйри и тех адских монстров, которые согласятся работать на Энгуса.

Морриган подняла голову, в ее глазах появилось отрешенное выражение, а, в свою очередь, я понял, что интуиция меня не обманула: в мой магазин ввалилась пара невезучих студентов. Они уже прилично набрались, несмотря на то что до вечера было далеко. Сальные волосы, концертные футболки, джинсы и многодневная щетина. Я таких повидал достаточно: придурки, решившие проверить, нет ли у меня под аптекарским прилавком чего-нибудь занятного. Разговор с ними обычно начинался с вопроса, обладают ли мои травы медицинским эффектом. Получив утвердительный ответ, они спрашивали, есть ли у меня нечто галлюциногенное. Обычно я продаю этим типам мешочек со смесью шалфея и тимьяна под каким-нибудь экзотическим названием и отправляю покупателей предаваться безудержному веселью. Дело

в том, что я не придерживаюсь строгих правил, когда речь идет о том, чтобы освободить безмозглых ребят от денежных накоплений.

На следующий день у них будет раскалываться голова, и они никогда не вернутся в мой «Третий глаз».

Однако я опасался, что они увидят Морриган и теперь не выйдут из моего магазина живыми.

И, ясное дело, парень в майке с изображением толстяка Мит Лоуфа[4] тотчас заприметил голую Морриган и показал на нее своему приятелю, облаченному в футболку с надписью «Айрон Мэйден». Но разве могло быть иначе? Морриган стояла в центре торгового зала, уперев руки в бедра, и демонстрировала бедолагам свою поистине безупречную попку. Что ж, Морриган была и впрямь похожа на ожившую богиню!

– Смотри, какая цыпочка, чувак! – воскликнул «Мит Лоуф».

– Ого! – выдохнул «Айрон Мэйден» и опустил очки на самый кончик носа, чтобы насладиться зрелищем. – Горячая штучка.

– Эй, крошка, – изрек «Мит Лоуф» и шагнул к Морриган. – Если тебе нужна одежда, я с радостью сниму для тебя штаны.

И «Мит Лоуф» вместе со своим приятелем принялся гоготать над своей остротой, изрыгая «ха-ха-ха» со скоростью пулеметной очереди. Звуки, которые они синхронно издавали, напоминали крики осла, причем очень глупого – под стать им самим.

Глаза Морриган опять вспыхнули алым огнем, и я решил взять ситуацию под контроль.

– Морриган, пожалуйста, только не в моем магазине! Мне придется потратить кучу времени, чтобы прибраться.

– Они должны умереть за свою дерзость, – угрожающе процедила Морриган.

При звуке ее голоса я поежился.

Любому, кто хотя бы поверхностно знаком с мифологией, известно, что делать сексуальные выпады в адрес богини равноценно самоубийству. Помните, что Артемида сделала с парнем, который случайно увидел, как она купалась?

– Я понимаю, что их надо наказать за их оскорбительное поведение, – пробормотал я, – но, может, лучше приструнить ребят в другом месте. Не нужно усложнять мне жизнь, Морриган. Я буду тебе чрезвычайно признателен.

– Ладно, – прошептала она, – я пока еще не голодна.

И Морриган повернулась к студентам, чтобы те могли полностью насладиться ее прелестями. Они пялились на ее бедра и продолжали что-то лопотать. Однако, когда Морриган заговорила и от ее неземного голоса задрожали стекла в окнах, они тут же переключились на ее лицо и остолбенели. Наконец-то бедолаги сообразили, что перед ними вовсе не городская девчонка, которая рассвирепела от их нахальства.

– Приведите свои дела в порядок, смертные, – прогремела Морриган, когда внезапный порыв ветра растрепал их шевелюры. – Сегодня я буду пировать вашими сердцами за оскорбление, которое вы мне нанесли. Даю вам слово Морриган.

Я посчитал ее реплику излишне мелодраматичной, но проявил мудрость и не осмелился критиковать богиню смерти.

– Слушай, придурок, что здесь происходит, черт подери? – взвизгнул «Айрон Мэйден» на две октавы выше прежнего.

– Без понятия, дружище, – откликнулся «Мит Лоуф». – Пожалуй, теперь я ее не хочу. И собираюсь отсюда свалить.

И они оба помчались к двери, толкаясь и налетая друг на дружку.

---

[4] Мит Лоуф – псевдоним американского певца Марвина Ли.

Морриган наблюдала за ними с любопытством хищника, а я помалкивал, пока она следила за бегством неоперившихся юнцов. Затем она повернулась ко мне и воскликнула:

– Грязные скоты! Они себя осквернили.

Я хмыкнул:

– Ага, но охота на них вряд ли тебя развлечет.

Я не собирался их защищать или просить Морриган отменить казнь: единственное, что я мог сделать, – просто попытаться убедить богиню, что гонка за ними не стоит ее усилий.

– Ты прав, – вымолвила Морриган. – Жалкое подобие настоящих мужчин. Но они умрут сегодня вечером. Я поклялась.

Увы, ничего не поделаешь, подумал я и вздохнул.

Морриган успокоилась и опять обратилась к моей персоне.

– Твои охранные заклинания действительно незаметны и необычайно сильны, – произнесла она, и я кивнул. – Но они не спасут тебя от Туата Де Дананн. Я советую тебе искать убежище.

Я поджал губы и погрузился в размышления, чтобы дать ей достойный ответ.

– Я ценю твой совет и безмерно тебе благодарен за беспокойство о моем благополучии, – проговорил я, – но я не знаю лучшего места, где я мог бы себя защитить. Я в бегах два тысячелетия, Морриган, и я устал. Если Энгус и впрямь намерен за мной явиться – значит, такова моя судьба. Хотя он будет слаб в Аризоне, как и везде на земле. Пора нам с ним разрешить наши разногласия.

Морриган пристально посмотрела на меня:

– Неужели ты готов с ним сразиться?

– Да, Морриган, я сделал свой выбор.

Я лукавил, но общеизвестно, что Морриган не умеет отличать вранье от правды. Она славится эксцентричными убийствами и пытками ради удовольствия.

Морриган пожала плечами:

– Это попахивает глупостью, а не храбростью, но будь что будет. Дай-ка взглянуть на твой амулет.

– Сейчас, Морриган! Только не могла бы ты сперва приодеться, чтобы не шокировать смертных своей красотой.

Морриган фыркнула. Она была сложена, как супермодель, рекламирующая нижнее белье «Виктория Сикрет». Лучи послеполуденного солнца озаряли ее гладкую, безупречную кожу, белую, точно кондитерский сахар.

– Почему-то в вашем ханжеском веке обнаженное тело является преступлением. Но, наверное, будет разумно склонить голову перед местными обычаями.

Она взмахнула рукой, и черный плащ, появившийся из воздуха, скрыл ее тело. Я улыбнулся и взял с прилавка оберег.

Думаю, правильно было бы назвать его фермуар с шармами – конечно, не из тех, что украшают браслеты «Тиффани». В шармах запечатаны магические формулы, которые помогают мне создавать долгоиграющие заклинания. У меня ушло семьсот пятьдесят лет, чтобы завершить работу над фермуаром (кстати, в его основе лежал железный амулет, защищавший меня от фэйри и других магических созданий). Но я был вынужден потратить на это столько времени – Энгус, жаждущий моей смерти, строил против меня все новые и новые козни.

Итак, я соединил оберег со своей аурой – сложная процедура моего собственного изобретения! – но результат того стоил. Он сделал меня неуязвимым для любого из мелких фэйри. Дело в том, что фэйри не выносят железа ни в каком виде: оно является антитезой волшебства – причина, по которой магия умерла в этом мире, когда наступил Железный век. Я потратил триста лет на то, чтобы спаять фермуар со своей аурой, зато в результате я получил отличную защиту и стал настоящим Кулаком Смерти для любого фэйри, стоило мне к нему прикос-

нуться. Ну а остальные четыреста пятьдесят лет ушли на создание дополнительных оберегов и поиск способа заставить их работать в непосредственной близости от железа и моей измененной ауры.

Проблема с представителями племени Туата Де Дананн состоит в том, что они являются самыми загадочными магическими существами во вселенной – в отличие от иных созданий, рожденных в краю фэйри. Вдобавок они настолько преуспели в магии, что ирландцы присвоили им статус богов. Поэтому железные решетки моей лавочки нисколько не пугали Морриган и ее соплеменников, и моя аура не могла причинить им никакого вреда. Но, разумеется, железо не являлось бесполезным компонентом: с его помощью я до сих пор противостоял чужому колдовству и мог потягаться с любым противником.

Короче говоря, неприятелю пришлось бы атаковать меня в жаркой схватке, если бы он решил со мной поквитаться.

Именно это и стало причиной моей живучести. Если забыть про Морриган, конечно. Туата Де Дананн ненавидят участвовать в сражениях, поскольку они, как и я, могут погибнуть от удачно нанесенного удара мечом. Благодаря магии они продлили свою жизнь на тысячелетия (так же как и я, остановивший признаки собственного старения), однако насилие может грозить им смертью, как уничтожило Луга, Нуаду[5] и подобных им. Так что эти хитрецы предпочитают пользоваться услугами наемных убийц, а еще прибегают к различным ядам и прочим уловкам.

Думаю, Энгус Ог испробовал на мне почти все.

– Замечательно! – воскликнула Морриган, поглаживая мой амулет.

– Он не универсален, – напомнил я ей, – но вполне надежен.

Она посмотрела на меня:

– Как ты его сделал?

Я пожал плечами:

– Я запасся терпением. Железо можно подчинить своей воле, если она тверже и сильнее. Но это медленный и трудоемкий процесс, занимающий века, и тут нельзя обойтись без элементаля.

– А что с ним происходит, когда ты меняешь форму?

– Он уменьшается или увеличивается до нужного размера – первое, чему я научился, когда амулет был готов.

– Никогда не видела ничего подобного! – Морриган нахмурилась. – И кто познакомил тебя с такой магией?

– Никто. Амулет – мое собственное изобретение.

– В таком случае ты меня ему научишь, друид, – приказным тоном изрекла богиня.

Я промолчал, взял у Морриган фермуар, покрутил его в руках и продемонстрировал богине дополнительный оберег – серебряный прямоугольник с барельефом, изображавшим выдру.

– Когда оберег активирован, он позволяет мне дышать под водой и чувствовать себя там как в родной стихии. Вместе с железным амулетом, который находится в центре, он ограждает меня от коварных роанов,[6] сирен и им подобных. Он делает меня вторым после Маннанана Мак Лира[7] в море. Я потратил более двухсот лет на то, чтобы он стал безупречным! И он – всего лишь один из многочисленных ценных оберегов в фермуаре. Что ты мне предложишь в обмен за знание?

– Долгую жизнь, – будто выплюнула Морриган.

---

[5] Нуаду – один из наиболее значительных богов племени Туата Де Дананн – трикстер, схожий со скандинавским Локи. Нуаду – король племени Туата Де Дананн.

[6] Роаны – мифические существа из ирландского фольклора – морской народ, люди-тюлени.

[7] Мак Лира – в ирландской мифологии – владыка моря, живущий в Эмайн Аблах.

Я усмехнулся. Морриган никогда не отличалась дипломатичностью.

– Неплохое начало переговоров, – ответил я. – Но нам надо кое-что уточнить. Я научу тебя новой магии друидов, которую с невероятным трудом оттачивал путем проб и ошибок на протяжении веков, в обмен на то, что ты навсегда забудешь о моей смерти – то есть ты меня не заберешь никогда.

– Ты просишь истинного бессмертия.

– А ты за него получишь магию, которая сделает тебя высшим божеством среди Туата Де Дананн.

– Я и так высшее божество, друид, – прорычала она.

– Твоя кузина может с тобой не согласиться, – заявил я, подумав про богиню Бригиту,[8] которая правила в Тир на Ног в качестве «первой леди» среди фэйри. – В любом случае, вне зависимости от твоего решения, обещаю тебе, добровольно и без принуждения следующее: я никогда и ни при каких обстоятельствах не стану учить этой магии ни одну из твоих родственниц.

– Хорошо, – произнесла Морриган, и я немного расслабился. – Ты мне расскажешь, как создал каждый оберег из твоего магического фермуара, а также откроешь секрет того, как связал железо со своей аурой, и я позволю тебе жить вечно. Таков будет наш договор.

Улыбнувшись, я посоветовал ей найти брусок железа для своего будущего амулета, и тогда мы сможем начать.

– Но я считаю, что ты должен бежать отсюда, причем немедленно, – заметила она, когда мы скрепили сделку. – Я, конечно, сдержу слово и не стану тебя забирать, но это не означает, что тебе не будет угрожать опасность от других богов смерти. Если Энгус тебя победит, один из них рано или поздно пожалует к тебе в гости.

– Позволь *мне* волноваться по поводу Энгуса, – парировал я.

Это давно вошло у меня в привычку. Если любовь и ненависть являются двумя сторонами одной медали, то, по моему мнению, вероломный бог любви очень много времени уделял ненависти – особенно когда речь шла обо мне. А у меня и так хватало проблем. Кроме того, я был постоянно вынужден заботиться о своем здоровье и физическом состоянии – ведь если я бы лишился конечности, она бы не отросла снова. Бессмертие не делало меня неуязвимым. Вспомните, во что вакханки превратили парня по имени Орфей!

– Поступай, как тебе угодно, – ответила Морриган. – Но в первую очередь опасайся людей. По просьбе Энгуса один из них нашел тебя в некоем Интернете. Тебе известно про эту вещь?

– Я пользуюсь им каждый день, – заявил я.

Морриган не была ретроградом, но иногда ее неосведомленность меня поражала.

– Основываясь на словах информатора, Энгус Ог повелел отправить сюда несколько фир болгов,[9] дабы они подтвердили, что Аттикус О'Салливан – это действительно ты.

– Спорить не буду, я поступил как настоящий болван, – проворчал я, покачав головой и сообразив наконец, как они меня нашли.

Выражение лица Морриган смягчилось, она коснулась пальцами моего подбородка и потянулась ко мне губами. Черный плащ растаял, и теперь она стояла передо мной, точно ожившая картинка из журнала. Пьянящий аромат всего, о чем только может мечтать мужчина, ударил мне в ноздри, хотя его действие было не столь мощным, поскольку я уже успел надеть свой фермуар. Морриган страстно меня поцеловала и с насмешливой улыбкой отодвинулась: она-то знала, какое действие на меня оказывает, вне зависимости от силы своего колдовства.

---

[8] Бригита – в ирландской мифологии – богиня войны, а в мирной жизни – покровительница поэзии, ремесел и врачевания, помогающая женщинам во время родов.

[9] Болги – третье из мифических племен, правивших Ирландией. В легендарной ирландской истории эта раса не играет существенной роли.

– Никогда не снимай свой амулет, – прошептала она. – И позови меня, друид, когда я тебе понадоблюсь. А сейчас мне нужно поиграть с двумя представителями рода человеческого.

И богиня вновь превратилась в боевую птицу и вылетела в дверь моего магазина, которая распахнулась настежь, чтобы выпустить ее на волю.

Глава 3

Я достаточно долго живу на свете и понимаю, что большинство предрассудков являются небылицами и домыслами – ведь многие из них появились еще в моем детстве. Впрочем, с одной приметой я согласен целиком и полностью: неприятности всегда ходят по трое. В мое время говорили: «Грозовые тучи трижды прокляты», – но мне нельзя изъясняться столь высокопарно и рассчитывать на то, что все поверят, будто я настоящий совершеннолетний американец. Я должен говорить примерно так: «Не повезло, приятель».

Поэтому уход Морриган не помог мне успокоиться, и я нисколько не сомневался, что мой день станет только хуже. Я закрыл магазин на пару часов раньше и поехал домой на своем горном велосипеде, спрятав под рубашку амулет и с некоторым опасением раздумывая о том, что может меня ожидать в будущем.

Я покатил на запад по Университетской улице, свернул налево на Рузвельт и направился на юг в сторону района Митчелл-Парк. До того как на реке Солт построили дамбы, здесь была пойма с весьма плодородными землями. В двадцатом веке эти сельские угодья разделили на мелкие участки, на которых возвели симпатичные коттеджи с ирригационными системами. Обычно я не спешу по дороге к дому. Я наслаждаюсь живописными видами, здороваюсь с соседскими собаками и останавливаюсь поболтать с вдовой Макдонаг – она обожает на закате сидеть на крыльце с запотевшим стаканчиком виски «Талламор Дью». Она разговаривает со мной по-ирландски, я получаю от этого удовольствие, и еще мне нравится, что из нас двоих я считаюсь молодым. Как правило, я работаю у нее во дворе и саду раз в неделю, а она любит за мной наблюдать. И она вечно провозглашает: «Будь я лет на пятьдесят моложе, я бы тобой занялась, парень, и никто бы, кроме Всевышнего, ничего бы не узнал, ты уж мне поверь».

Но сегодня я промчался мимо, помахав ей рукой и стараясь изо всех сил крутить педали. На Одиннадцатой улице я свернул направо и покатил медленнее, настроив свое восприятие на признаки возможной опасности. Подъехав к своему жилищу, я не стал сразу же врываться внутрь, а присел на корточки перед клумбой и принялся щипать траву своей татуированной рукой. Не подумайте, что свихнулся, я просто проверял степень магической защиты своей холостяцкой берлоги.

Мой дом построен в пятидесятых годах и обращен своим фасадом к северу. Самая его приметная деталь – высокое крыльцо, которое поддерживают белые столбики. На лужайке растет высокое мескитовое дерево, подъездная дорожка уходит к гаражу. Выложенная плитняком тропинка ведет от дорожки к двери в дом.

Окна, окутанные вечерними тенями, выглядели, как обычно, но когда я провел своими оберегами по траве… да, там кто-то есть. Поскольку ни один смертный или фэйри никоим образом не мог миновать мои защитные заклинания, получалось, что мне предстояло сделать выбор: убраться отсюда восвояси или посмотреть, кто из Туата Де Дананн развязал колдовские узлы и дожидается хозяина дома.

Я подумал, что незваным гостем вполне мог быть Энгус Ог, и похолодел, хотя на улице было почти плюс тридцать восемь градусов (в Аризоне воздух охлаждается до разумных температур не раньше середины октября, но до второго месяца осени оставалась еще неделя). Впрочем, вряд ли Энгус Ог покинул Тир на Ног, несмотря на клятвенные утверждения самой Морриган, что он сюда направляется. Поэтому я обратился к своему домашнему питомцу – а если честно, к доброму другу – Оберону, с которым общаюсь при помощи телепатии.

‹Привет, дружище!›

‹Аттикус? Тут кое-кто есть›, – ответил Оберон, находившийся на заднем дворе, но я не уловил напряжения в его мыслях, скорее у меня сложилось впечатление, что он машет хвостом. А то, что он не залаял, когда я приехал, означало, что, по его мнению, все в порядке.

‹Я в курсе. Но кто?›

‹Понятия не имею. Но она мне нравится. Она заявила, что мы отправимся на охоту›.

‹Она с тобой разговаривала? Мысленно, как и я?›

Требуются определенные усилия, чтобы научить животных понимать человеческий язык – это совсем не просто, и мало кто из Туата Де Дананн стал бы тратить время на подобные вещи. Большинство из них предпочитают передавать собеседнику эмоции и образы – беспроигрышный метод при контактах с элементалями.

‹Ага. Она мне сказала, что я похож на своих древних предков›.

‹Ты заслужил такую похвалу›.

Оберон являлся великолепным образчиком ирландского волкодава, с роскошной темно-серой шерстью и могучим телосложением. Его предков называли боевыми псами, и они сопровождали ирландцев в сражениях, где нападали на колесницы и сбрасывали всадников с лошадей. Пожалуй, боевые псы времен моей юности не отличались особым дружелюбием в отличие от современных волкодавов. Сейчас они, конечно, превратились в огромных добряков: сказалось многовековое воспитание и муштра! Теперь им даже в голову не придет напасть на кого-нибудь: их главная добыча – это миска с сухим кормом. Зато Оберон был уникален, в нем сочетается храбрость и мягкость, и он умеет управлять дикими инстинктами в случае необходимости. Я нашел его через Интернет в приюте для животных на ранчо в Массачусетсе после того, как потерял всякую надежду отыскать подходящего пса у заводчиков в Аризоне. Все щенки, которых они предлагали, казались мне слишком смирными. Когда же я прилетел на ранчо, то обнаружил, что Оберон по современным меркам – настоящий дикарь. Разумеется, сначала я с ним поболтал и выяснил, что он хочет только одного – охотиться… хотя бы изредка. В общем, про него вполне можно сказать, что он еще и джентльмен.

‹Меня не удивляет, что она тебе понравилась. Она задавала какие-нибудь вопросы?›

‹Спросила, когда ты приедешь›.

Утешительный факт. Получалось, мою гостью не интересовали мои сокровища, а значит, существовала вероятность, что ее послал не Энгус Ог.

‹Ясно. И давно она здесь?›

‹Она приехала совсем недавно›.

У собак не слишком хорошо обстоят дела со временем. Они отличают день от ночи, но практически равнодушны к его течению. Поэтому «недавно» могло означать все что угодно, от минуты до нескольких часов.

‹Ты спал после того, как она появилась?›

‹Нет. Мы как раз закончили разговаривать, когда ты приехал›.

‹Спасибо, Оберон›.

‹А когда будет охота?›

‹Все зависит только от нашей гостьи. Кем бы она ни была, я ее не приглашал›.

‹Правда? – В мыслях Оберона появился намек на неуверенность. – Я не сумел тебя защитить?›

‹Не беспокойся, Оберон, я на тебя не сержусь. Но имей в виду, что мы вместе с тобой войдем в дом. Я хочу, чтобы ты меня охранял, на случай, если она окажется не такой мирной, как ты подумал›.

‹А что, если она нападет?›

‹Убей ее›.

Никогда не следует давать Туата Де Дананн второго шанса.

‹Мне кажется, ты говорил, что я не должен нападать на людей›.

‹Не думаю, что она – человек›.

‹Хорошо. Но я не думаю, что она на тебя нападет. Она очень приятная нечеловека›.

‹Лучше сказать «не человек», Оберон. Что за «нечеловека»? Такого слова не существует›.

После этого я поднялся на ноги и, стараясь не шуметь, завернул за угол дома, чтобы попасть на задний двор.

‹Послушай, я же не местный, и язык для меня чужой. Не придирайся›.

Я оставил велосипед на улице, надеясь, что его не украдут местные ребятишки. Оберон ждал меня, когда я открыл ворота, вывалив из пасти язык и энергично виляя хвостом. Я рассеянно почесал его за ухом, и мы вместе направились к черному входу.

У меня сложилось впечатление, что мебель на террасе никто не трогал.

Мой огород – я выращиваю разнообразные травы и овощи, которые могут пригодиться в моей друидской практике (между прочим, из меня получился неплохой садовод) – тоже не пострадал.

Я обнаружил свою гостью на кухне, где она колдовала над клубничным смузи.

– Да заберет Мананнан Мак Лир проклятую штуку в страну теней! – выкрикнула она и принялась колотить кулаком по кнопкам блендера. – Смертные постоянно нажимают на кнопки, и проклятая дрянь работает! А почему твоя не желает? – рявкнула она, наградив меня сердитым взглядом.

– Ее нужно включить в сеть, – кротко объяснил я.

– В сеть?

– На конце шнура имеется устройство с двумя рожками, его вставляют в дырочки на стене, вот смотри, – произнес я, показав на розетку. – Это даст блендеру… короче, оно его оживит.

Я решил, что про электричество расскажу позже – если появится необходимость, поскольку не имело никакого смысла отягощать ее заумными терминами.

– Ладно. Привет тебе, друид.

– Привет тебе, Флидас, богиня охоты.

‹Я говорил тебе, что она славная›, – вмешался Оберон.

Мне пришлось признать, что из всех Туата Де Дананн, которые могли меня навестить, Флидас была самым приятным гостем. Но вы же не забыли старую поговорку про трижды проклятые тучи? Флидас принесла с собой вторую, а я не заметил ее приближения.

Глава 4

– Ты осведомлен, что в Тир на Ног такого напитка получить нельзя? – спросила Флидас, стараясь перекричать вой блендера.

– Предполагал, – ответил я. – У вас с блендерами плоховато. Интересно, как тебе удалось про них узнать?

– Если честно, то совершенно случайно, – ответила Флидас, подув на локон, попавший в глаза и мешающий ей наблюдать за изготовлением клубничного пюре.

Она обладала шикарной растрепанной копной рыжих волос, которые выглядели настолько естественно, что могло показалось, будто в них застряло несколько веточек.

– Я гостила у Херна-Охотника[10] и поймала браконьера, который ломился через лес на своем жутком грузовике, – добавила она. – Он застрелил самку оленя, спрятал ее в кузове и накрыл куском черного пластика. Поскольку в тот момент Херн отлучился, я решила лично отомстить за бедное животное и последовала за убийцей. Я гналась за ним на колеснице до самого города.

Флидас плеснула в стакан немного клубничного смузи. Напиток выглядел весьма соблазнительно, и я понял, что могу рассчитывать на щедрость богини.

А затем я вспомнил, что Флидас разъезжает на колеснице, запряженной быками, и подумал, что даже современные сдержанные британцы запаниковали бы, встретив на шоссе такое средство передвижения – что уж говорить об американцах!

– Надеюсь, во время погони ты оставалась невидимой для смертных?

– Разумеется! – возмутилась она, и ее зеленые глаза вспыхнули яростным огнем под стать пламенеющим волосам. – Ты считаешь, что я – никудышная охотница?

Ой-ой! Кажется, я дал маху. Потупившись, я посмотрел на ее сапожки из мягкой коричневой кожи с крепкими и одновременно гибкими подошвами, как у мокасин. Они доходили Флидас до колен, и она заправила в них коричневые, тоже кожаные и видавшие виды легинсы. Впрочем, Флидас всегда любила облачаться в цветную кожу – ее приводили в восторг яркие краски, и она не очень-то жаловала черный цвет. Поверх ее изумрудного жилета с потрепанной подкладкой шоколадного оттенка красовался зеленый ремень, который также многое пережил на своем веку. Полоска зеленой же сыромятной кожи несколько раз обхватывала левое предплечье богини, защищая его от ударов лука, и я подумал, что она наверняка воспользовалась своим оружием совсем недавно.

– Ты самая лучшая, Флидас, прими мои извинения.

Флидас умела становиться невидимой – что являлось большой редкостью. Признаюсь, что я способен лишь на маскировку, хотя и неплохую!

Богиня коротко кивнула, принимая мои извинения как должное, и продолжала, как будто я не отвлек ее глупым вопросом:

– Забавно, но погоня превратилась в операцию по выслеживанию. Моя колесница не могла соревноваться с грузовиком в скорости. Когда я догнала браконьера, его махина стояла на асфальтовой пустоши, а сам он направлялся в одноэтажное здание. Напомни-ка, как называется такая пустошь?

Туата Де Дананн не испытывают никаких комплексов, выуживая из друидов информацию. В конце концов, ради этого мы и существуем на свете. Но чтобы оставаться живым, а не мертвым друидом, нужно всегда быть начеку и проявлять недюжинную сообразительность.

– Они называются парковка, – ответил я.

---

[10] Херн-Охотник – герой английского фольклора, связанный с Виндзорским лесом: призрак с оленьими рогами на голове.

– Спасибо. Браконьер вышел из заведения с вывыской «Краш», держа в руке темное снадобье. Ты знаешь про «Краш», друид?

– Думаю, это бар, где продают смузи.

– Точно. После того как я его убила и кинула его труп в кузов, где лежала мертвая самка оленя, я прямо на парковке попробовала зелье-смузи. Оно было потрясающим!

Вот почему я испытываю почти животный страх перед Туата Де Дананн. В принципе человеческая жизнь не имела особого значения даже для моего поколения – иными словами, для тех, кто родился в Железном веке, поэтому я привык ко многому… но вот Флидас и ей подобные явно застряли в моральных рамках Бронзового. А неписаные законы тех стародавних времен звучали приблизительно так: если что-то доставляет мне удовольствие, все хорошо, и я хочу еще, если же мне что-то не по нраву – данный объект должен быть незамедлительно уничтожен. Кстати, желательно, чтобы сам способ расправы благоприятно повлиял на мою репутацию – ведь тогда я обрету бессмертие в песнях бардов.

Туата Дананн не в состоянии думать как современные люди, поэтому именно из-за них у фэйри развилось извращенное чувство того, что правильно, а что – нет.

Флидас отхлебнула смузи, и ее лицо озарилось довольной улыбкой.

– Я считаю, что смертные кое-чего добились, – вымолвила богиня. – В любом случае, друид… как тебя сейчас зовут? – нахмурилась Флидас.

– Аттикус.

– Аттикус? – переспросила она. – Неужели кто-то верит, что ты грек?

– Здесь никто не обращает внимания на имена.

– А на что они обращают внимание?

– На грубую демонстрацию личного богатства. – Я не сводил взгляда со смузи в кувшине, рассчитывая, что Флидас поймет намек. – Блестящие машины, сверкающие перстни и прочее.

Флидас быстро смекнула, что к чему.

– И ты… ой, хочешь мой смузи? Угощайся, Аттикус.

– Как мило с твоей стороны.

Я улыбнулся, потянувшись за чистым стаканом, и вдруг подумал про бедолаг, которые забрели в мой магазин и, наверное, уже умерли стараниями Морриган.

Но, увидев Флидас, они бы тоже не избежали своей печальной участи. Они сказали бы что-нибудь вроде: «Эй, детка, чего ты творишь с клубничкой?» – и эта фраза стала бы последней в их жизни. К сожалению, этикет Бронзового века недоступен пониманию человека из двадцать первого столетия, хотя тут нет ничего сложного. Главное правило гласит: с гостем следует обращаться как с богом, потому что он может действительно оказаться божеством, принявшим облик смертного.

Когда речь заходила о Флидас, я ни секунды не сомневался в том, что такое происходит сплошь и рядом.

– Не стоит благодарности, – ответила она. – Ты прекрасный хозяин. Но я отвечу на твой вопрос. Я вошла в «Краш» и посмотрела, как смертные управляются с чудесными машинами, которые делают смузи. – Она прищурилась, рассматривая густой клубничный напиток, и у нее на лбу снова появилась морщинка. – А ты не находишь этот век странным – в нем столько великолепных вещей, но и немало отвратительных?

– Нахожу, – согласился я, наливая красную кашицу в стакан. – Хорошо, что мы живем и можем хранить традиции лучших времен.

– Поэтому я к тебе и пришла, Аттикус, – заявила она.

– Из-за сохранения традиций?

– Нет. Из-за «живем».

Проклятье, меня немного насторожили интонации, прозвучавшие в ее голосе.

– Я с радостью тебя выслушаю. Но могу я сперва предложить тебе перекусить?

– Нет, мне достаточно этого, – ответила она и поболтала смузи в стакане.

– Тогда давай побеседуем на свежем воздухе?

– Замечательно.

Я повел ее за собой, Оберон затрусил следом и уселся между нами на крыльце. Он размышлял про охоту в парке Папаго и надеялся, что день не пройдет зря. Я с облегчением обнаружил, что мой велосипед еще не угнали, и расслабился, но затем меня посетила мысль, что Флидас наверняка не пришла сюда пешком.

– Ты надежно спрятала колесницу? – поинтересовался я.

– Неподалеку есть парк, и я оставила там быков – пусть отдохнут и погуляют на природе. Не беспокойся, – добавила она, увидев, что мои брови поползли вверх. – Они невидимые.

– Конечно. Итак, расскажи, что заставило тебя навестить старого друида, давно покинувшего большой мир?

– Энгус Ог осведомлен о твоем новом убежище.

– Морриган уже меня просветила, – спокойно произнес я.

– Значит, она побывала у тебя в гостях? Фир болги тоже сюда направляются.

– Про них мне тоже известно.

Флидас задумчиво склонила голову набок: она как будто оценивала мое психическое состояние.

– А ты в курсе, что за ними следует Брес?

Я подавился клубничным смузи, который фонтаном пролился на клумбу. Оберон с тревогой покосился на меня и тихо заворчал.

– Ему-то что в Аризоне понадобилось?

Брес – самый злобный из всех ныне живущих представителей племени Туата Де Дананн. Он никогда не отличался особым умом, но возглавлял Туата Де Дананн в течение несколько десятилетий – в конце концов его сместили за то, что он гораздо лучше относился к чудовищным фоморам,[11] чем к собственным соплеменникам. Он был богом сельского хозяйства и сумел избежать смерти от рук Луга, пообещав поделиться с ним своими скудными знаниями. Единственная причина, по которой его до сих пор не прикончили, заключалась в том, что он являлся мужем Бригиты, и никто не хотел рисковать и вызывать ее гнев. Магическая сила Бригиты безгранична, и потягаться с ней может разве что Морриган.

– Энгус Ог чем-то его соблазнил, – отмахнулась от меня Флидас. – Брес никогда и пальцем не пошевельнет, если не почует выгоду для своей персоны.

– Угу. Но зачем посылать Бреса? Он должен меня убить?

– Понятия не имею. Уж точно не сразиться с тобой в интеллектуальном поединке. По правде говоря, друид, я рассчитываю, что вы сойдетесь в схватке и ты станешь победителем. Он не оказывает лесу должного уважения.

Я промолчал, и Флидас, судя по всему, решила дать мне возможность осмыслить эту новость. Пригубив смузи, богиня принялась почесывать Оберона за ухом. Хвост волкодава ожил и громко застучал по деревянному крыльцу, и Оберон начал рассказывать богине о том, как хорошо бегать в парке Папаго. Я усмехнулся, подумав, что пес никогда не забывает о своих целях. Оберон был и впрямь отличным охотником.

‹А в горах водятся снежные бараны. Ты когда-нибудь их выслеживала?›

Флидас ответила, что такого с ней еще не случалось, и добавила, что вообще не охотится на овец, поскольку они стадные животные и ей это не интересно.

---

[11] Фоморы – мифические существа, темные силы хаоса, с которыми постоянно приходилось сражаться древним жителям Ирландии.

‹Овцам до них далеко! Снежные бараны – крупные, коричневые и невероятно быстрые. Они прячутся среди скал. Нам пока не удалось поймать ни одного барана, хотя мы несколько раз пытались. Мне очень нравится за ними гоняться›.

– Твой пес надо мной потешается, Аттикус? – обратилась ко мне Флидас. – Ты не смог догнать овцу? – с плохо скрываемым презрением спросила она.

– Оберон никогда не шутит по поводу охоты, – парировал я. – Снежные бараны не имеют ничего общего с овцами, к которым ты привыкла. Это серьезные зверюги, особенно в парке Папаго, где, кстати, полно коварных и ненадежных мест.

– А почему я никогда про них не слышала?

– Они отсюда родом, – пожал плечами я. – В Аризоне встречается несколько видов пустынных животных, ловля которых могла бы доставить тебе удовольствие.

Флидас насупилась и сделала добрый глоток смузи, как будто он являлся эликсиром от когнитивного диссонанса. Она несколько мгновений смотрела на нижние ветви мескитового дерева – они тихонько покачивались на ветру, который дул прямо из пустыни. Неожиданно она просияла и рассмеялась – я бы даже сказал, захихикала, если бы такое поведение не было ниже достоинства богини.

– Потрясающе! – вскричала Флидас. – Наверное, я выслеживала неизвестную мне дичь лет тысячу тому назад – никак не меньше!

Я поднял стакан.

– За новизну! – провозгласил я.

Долгожители ценят свежатину в любом виде. Флидас чокнулась со мной, мы с удовольствием выпили, а потом она поинтересовалась, когда мы сможем отправиться в парк.

– Не раньше чем через несколько часов после заката, – ответил я. – Надо подождать, когда Папаго закроют. Вечером смертные разойдутся по домам спать, и Папаго-Хиллс будет в нашем распоряжении, Флидас.

– А что мы будем делать сейчас, Аттикус? – недовольно спросила она.

– Ты моя гостья, и мы будем делать все, что ты захочешь.

Она окинула меня оценивающим взглядом, но я притворился, что ничего не заметил, и уставился на велосипед, до сих пор лежавший на улице.

– Ты выглядишь так, словно находишься в самом расцвете юности, – произнесла она.

– Спасибо, Флидас. Ты прекрасна, как всегда.

– Мне хочется проверить, сохранил ли ты выносливость воина-фианна или скрываешь под внешностью юноши мягкотелость и старческую дряблость, столь не подобающую истинному кельту.

Я встал и протянул Флидас свою здоровую руку.

– Сегодня днем меня ранили в другую руку, которая еще не зажила. Но если ты последуешь за мной и поможешь мне исцелить ее, я выполню любой твой приказ и постараюсь удовлетворить твое любопытство, богиня.

Уголок ее губ дрогнул, в глазах загорелся огонь. Флидас вложила свою ладонь в мою и поднялась на ноги. Я посмотрел ей в глаза, легонько сжал пальцы, и мы направились в спальню.

Плевать на велосипед. Утром я полечу на работу, как на крыльях, подумал я.

Глава 5

Постельные разговоры в современном мире часто касаются историй из детства, хотя иногда пары делятся своими мечтами о сказочных каникулах. Одна из моих бывших партнерш, симпатяга Джесси, правую лопатку которой украшала татуировка с изображением Динь-Динь (совершенно непохожей на настоящую фею), хотела обсуждать после секса сериал «Звездный крейсер Галактика». Он, по мнению Джесси, являлся не чем иным, как политической аллегорией времен правления Буша. Когда я признался, что не смотрел ни единой серии «Звездного крейсера», вряд ли воспылаю таким желанием в будущем и вообще равнодушен к сериалу и к политическим интригам, Джесси рассвирепела. Она обозвала меня тупым сайлоном[12] и сбежала, оставив меня в полном недоумении, но с некоторым чувством облегчения.

Флидас, однако, решила поговорить про меч Мананнана Мак Лира – древнее оружие, носящее имя Фрагарах, или же Отвечающий.

Скользкая тема притушила мой внутренний огонь, и я почувствовал растущее раздражение.

– Он еще у тебя? – допытывалась Флидас.

И как только вопрос прозвучал, я заподозрил, что ее визит ко мне – и даже постельная его часть были запланированы с целью выуживания из меня информации.

Я хладнокровно соврал обычным фэйри, напавшим на меня днем, но понимал, что лгать Флидас опасно.

– Энгус Ог, вне всякого сомнения, так думает, – бросил я пробный шар.

– Ты уклоняешься от ответа.

– Прости, но твои расспросы кажутся мне излишними. У меня есть все основания соблюдать осторожность и даже впасть в паранойю, Флидас. Не прими мои слова как неуважение.

Она целых пять минут сверлила меня взглядом, тщетно силясь заставить меня заговорить. Подобный метод отлично срабатывает с людьми, но я не раскололся и помалкивал. Дело в том, что именно друиды научили Туата Де Дананн этой выматывающей тактике, причем задолго до моего рождения, поэтому я терпеливо ждал, каким будет следующий шаг Флидас. Одновременно я пялился на трещины на потолке, лениво поглаживал татуированное предплечье Флидас и готовился призвать на помощь могущество земли – просто так, на всякий случай.

Флидас подала голос лишь после того, как я различил на потолке изображения дятла, снежного барса и мрачную физиономию бейсболиста Рэнди Джонсона, делающего финальный бросок.

– Начни с рассказа о том, как он к тебе попал, – заявила она наконец. – Легендарный Фрагарах – меч, который в состоянии пробить любые доспехи. Я слышала несколько разных версий в Тир на Ног, но меня интересует твоя.

Она взывала к моему тщеславию, хотела, чтобы я увлекся хвастливым описанием своих подвигов, забыл обо всем и выпалил: «Он у меня в гараже!», или «Я продал его через интернет-аукцион», или нечто в этом роде.

– Ладно, я украл его во время сражения при Маг Лейна, когда Конн Ста Битв[13] жаждал разбить Мог Нуадата. Странно, но в те часы Конна совершенно не волновало, какое оружие он держит в руке. – Я поднял кулак вверх, как будто в нем была зажата рукоять меча. – Конн понимал, что шансов на победу в честном бою у него нет, поскольку противник превосходил его числом, и решил атаковать его ночью, надеясь получить преимущество. А воины Голл Мак

---

[12] Сайлон – кибернетическая цивилизация, воюющая с двенадцатью человеческими колониями в вымышленной вселенной сериала «Звездный крейсер Галактика».

[13] Конн Ста Битв – верховный король Ирландии в 116–136 или 123–157 гг., сын Федлимида Рехтмара.

Морна отказались вступить в сражение до утра: они якобы руководствовались принципами чести и достоинства, в чем я сильно сомневаюсь. В разгар сражений не думают о высоких материях, Флидас, кроме того, благородство – великолепный способ встретить смерть лицом к лицу. Вспомни про британцев, с которых индейцы снимали скальпы в восемнадцатом столетии, – и все потому, что те категорически отказывались нарушить свои глупые боевые построения.

Флидас фыркнула:

– Давай поговорим о тебе. Значит, это случилось задолго до того, как Финн Маккул возглавил армию, которую смертные прозвали «фианна»?

– Конечно, но я потихоньку убрался восвояси и быстро отполз от боевого лагеря. Я захотел присоединиться к побоищу, устроенному Конном. Он буквально прорубал себе путь сквозь армию Мог Нуадата, в которую входило около семнадцати тысяч галлов и две тысячи испанцев – представляешь? – и его пальцы, скользкие от вражеской крови, не удержали рукоять Фрагараха, когда Конн в хаосе сражения собрался нанести очередной удар. Меч вылетел у него из руки, пронесся над головой воина и упал ему за спину, очутившись у моих ног.

Флидас усмехнулась:

– Не верю! Неужто Конн выронил свой любимый Фрагарах?

– Точнее будет сказать, швырнул, – пояснил я. – Это правда, Флидас, или я сын осла. Я поднял меч, и по моим жилам заструилась магия. Окутав себя колдовским туманом, я покинул поле битвы с добычей и вернулся только после наступления правления Кормака Мак Арта.[14]

– Но они не могли отпустить тебя с Фрагарахом, друид!

– Ты права, – согласился я, расхохотавшись. – Это длинная история, но я думал, что ты предпочитаешь краткость.

Флидас наморщила лоб:

– Я оценила твои старания, друид. Иногда я чувствую то же самое во время охоты, когда дичь отказывается вести себя привычным образом, что делает погоню весьма увлекательной. Разумеется, ты упустил множество подробностей, и твоя версия сильно разнится с теми сплетнями, которые мне уже доводилось слышать, но я хочу знать все из первых уст. Так что продолжай.

– Погоди! Что про меня болтают в Тир на Ног?

– То, что ты украл меч Конна, прибегнув к коварному обману. В некоторых историях ты его усыпил при помощи зелья, в других, воспользовавшись иллюзией, поменялся с Конном оружием. Тебя, друид, называют вероломным, трусливым грабителем.

– Восхитительно! Полагаю, нужно внести ясность в ситуацию. Знаешь, в каком я находился состоянии, когда меч упал прямо передо мной?… Что ж, сейчас я попытаюсь внести ясность в свой рассказ и попробую избавить себя от наветов. Ночные сражения – это настоящее безумие, и я даже не всегда был уверен, что наношу удары по неприятелю. Черный, как смола, мрак разгоняли только тусклое сияние лунного серпа и звезд да отсветы далеких костров. Возможно, я по чистой случайности убил пару-тройку своих же соратников, однако я не падал духом. Итак, я сражался без устали, но вдруг остолбенел и почему-то подумал: здесь очень опасно – как меня вообще сюда занесло?

А потом меня осенило, Флидас! Конн часто сражался глубокой ночью, и его армия была непобедимой – но тут нет ничего удивительного, ведь Конн обладал волшебным мечом, который ему дал Луг Лавада из племени Туата Де Дананн. Именно мощь Фрагараха помогла Конну завоевать ирландские земли, но, каким бы великим воином он ни был, без меча он бы ничего не добился. У Конна бы не хватило мужества напасть на Мог Нуадата без Фрагараха. Те, кто позже погиб в сражении, шли в бой, потому что меч наделил одного человека, имеющего власть,

[14] Кормак Мак Арт – верховный король Ирландии, правивший в III в., сын Арта Одинокого.

страстным желанием получить еще больше влияния. Я был ничем не лучше: я, точно маньяк, убивал всех, кто попадался мне на глаза, но внезапно я остановился. Я понял, что, хотя мы и бились за Конна, сам он сражался с Туата Де Дананн. Им ловко манипулировали Луг и его дружки, и это – истинная правда, Флидас, как и то, что растения не могут выжить без воды.

– Я кое-что вспомнила, – произнесла Флидас. – Я всегда держалась в сторонке от смертных. Ваши людские проблемы меня не особо интересуют. Зато Луг и Энгус Ог были начеку, а еще они постоянно обсуждали исход того или иного сражения.

– Верно. Думаю, они хотели принести в Ирландию мир на острие меча. Они вдохновляли Конна на подвиги – и поощряли Верховных королей, которые правили после него. Возможно, это было хорошо, прекрасно для Ирландии, но сейчас я не собираюсь углубляться в дебри. Кстати, тогда, на поле битвы, меня сильно обеспокоило, что Туата Де Дананн сеяли интриги и раздор среди смертных, хотя им следовало жить своей жизнью и не обращать на людей внимания.

– Мы любим совать нос в чужие дела, друид. – Флидас язвительно ухмыльнулась.

– Ага. А в тот роковой миг я даже умудрился мысленно составить список тех из вас, кто был с Конном, и тех, кто поддерживал Мог Нуадата. Увидев меч, я сразу ощутил пульсирующую магию, воззвавшую прямо ко мне. А затем у меня в голове зазвучал голос, и я почти его ждал… Он велел мне поднять оружие и покинуть поле брани. «Возьми его, и я буду защищена», – изрек тот глас.

– Чей голос? – уточнила Флидас.

– Догадайся.

– Морриган, – прошептала она.

– Именно, со мной заговорил сам боевой ворон. Подозреваю, Морриган имела отношение к тому, что рукоять меча выскользнул из пальцев Конна. В результате я поднял Фрагарах. Когда находишься в гуще сражения и Собирательница павших приказывает тебе что-то, ты подчиняешься. Но некоторым людям и бессмертным явно не понравилось мое поведение.

– Конн бросился за тобой, друид?

– Конн был слишком занят – он сражался за собственную жизнь обычным мечом, позаимствованным у мертвого воина. Однако Конн отправил в погоню за мной своих приближенных, повелев им вернуть Фрагарах. Естественно, они мигом обнаружили друида, который не хотел расставаться с волшебным мечом. В действительности, когда они меня увидели, я пытался призвать туман, чтобы убраться восвояси.

– Только пытался? – Флидас приподняла бровь.

Я заметил несколько веснушек у нее под глазами и на скулах. Ее нежная кожа слегка загорела – Флидас была совсем не похожа на мраморно-белую Морриган.

– Я с трудом сосредоточился. Энгус Ог и Луг забрались в мою голову и требовали, чтобы я вернул меч Конну, иначе мне не жить. Морриган тоже твердила, что я умру, если отдам Фрагарах. Я заявил Морриган, что оставлю Фрагарах себе, на что Энгус Ог и Луг дружно завопили: «Нет!» – поэтому Морриган тут же согласилась со мной.

Флидас прищурилась:

– Значит, ты стравил их между собой. Восхитительно!

– Не спеши, дальше будет лучше. Морриган заблокировала мой разум от поползновений Энгуса Ога и Луга. Люди Конна попытались меня убить, но спустя некоторое время обнаружили, что я стал неуязвимым. Даже Конн, будь у него второй Фрагарах, не смог бы потягаться со мной. Приспешники Конна успевали выкрикнуть лишь: «Предатель!» – и падали замертво. Однако меня взяли в кольцо новые злобные враги, которых Энгус Ог и Луг, вне всякого сомнения, направили на поле битвы для расправы со мной.

Морриган подсказала мне, что путь к спасению лежит через армию Мога Нуадата. Бросившись в указанную ею сторону, я принялся размахивать Фрагарахом, как одержимый. При-

звав на помощь стихию земли, я разрубал тела напополам, отсекая части от безымянных туловищ. Летавшие в воздухе куски плоти сбивали с ног уцелевших воинов, и фонтаны крови проливались на моих бывших соратников. В конце концов, я добрался до испанцев из армии Мога Нуадата, и они расступились передо мной, словно морские волны перед Моисеем…

– Перед кем?

– Прошу прощения, я имел в виду одного человека из Торы, который обратился к Богу Яхве, дабы Тот защитил его от египетской армии. Яхве сделал так, что Красное море расступилось, и Моисей вместе с остальными беглецами сумел спастись от преследования. Сама же армия фараона погибла, захлебнувшись в водах Красного моря. Но вернемся к моему рассказу. Итак, люди Конна – и их было очень немного – продолжили погоню. Испанцы сомкнули ряды и задержали неприятеля, а я без помех домчался до противоположного края поля, мысленно посылая благодарности Морриган. Но вдруг Энгус Ог решил принять личное участие в происходящем. Он возник передо мной и потребовал, чтобы я отдал ему меч.

– Советую со мной не шутить, – пробормотала Флидас.

– Уверяю тебя, я помню все в мельчайших подробностях. На нем были потрясающие бронзовые доспехи с коваными украшениями и темно-синими наплечниками и наручами. Ты видела его облачение?

– Кажется, да. Но это еще ничего не доказывает.

– Спроси у Морриган. Когда мы с Энгусом уже приготовились сразиться, Морриган, обратившись в боевого ворона, села мне на плечо и сказала Энгусу, чтобы он проваливал отсюда – да побыстрее.

– Правда?…

– Нет, – усмехнулся я. – Признаюсь, я выступил в стиле бардов и слегка приукрасил реальность. Морриган заявила, что я нахожусь под ее личной защитой и, угрожая мне, Энгус подвергает себя смертельной опасности.

Флидас с восторгом захлопала в ладоши:

– Могу побиться об заклад, что он от страха чуть не родил пару коров!

Я рассмеялся, поскольку давненько не слышал этого выражения, но не стал сообщать Флидас, что сейчас говорят «его чуть родимчик не хватил» (оригинал мне нравится больше).

– Коров, которых он чудом не родил, хватило бы, чтобы накормить пять кельтских кланов.

– И что сделал Энгус?

– Стал возмущаться, что Морриган заходит слишком далеко и вмешивается в вопросы, которые ее не касаются. Она возразила, что война является сферой ее интересов, и она – полновластная хозяйка на поле брани. Затем она начала утешать Энгуса и заверила его, что Конн переживет эту ночь и даже одержит вверх. Энгус принял ее речи как должное, но напоследок принялся угрожать мне. Он посмотрел на меня своими черными глазами, которые метали молнии, и пообещал короткую жизнь, полную горестей, и – огромное ему спасибо – с тех пор Морриган помогает везучему друиду, который дожил до третьего тысячелетия!

Ну а Энгус?… Он продолжал сыпать проклятиями в мой адрес. Он сказал, вернее, прорычал, что пока я могу радоваться своей победе, но отныне я не буду знать покоя. Люди и фэйри станут преследовать меня, и потому я буду вынужден постоянно оглядываться через плечо, опасаясь получить удар ножом в спину. Думаю, Энгус Ог был в исступлении.

– И куда ты направился? – спросила Флидас.

– По совету Морриган я покинул Ирландию, чтобы усложнить Энгусу задачу. Но римляне были повсюду, и они не слишком жаловали друидов. В то время правил Антонин Пий,[15] и в итоге я искал пристанища у восточных варваров. В конце концов я присоединился к герман-

[15] Антонин Пий – римский император, правивший с 138 по 161 г.

скому племени, державшему оборону на берегу Рейна. У меня родился ребенок, я выучил пару языков и затаился на несколько столетий, чтобы жители Ирландии напрочь про меня забыли. К сожалению, присвоив себе Фрагарах, я положил начало ужасной смертоубийственной вражде. Кровавые сражения на ирландских землях разгорелись с новой силой. Конн не сумел объединить племена, поскольку не мог насаждать свою волю с помощью Фрагараха, и мечты Энгуса Ога о мирной Ирландии потерпели крах.

Несмотря на то что Конн выиграл ту битву и убил Мога Нуадата, ему пришлось прибегнуть к целой серии незначительных перемирий и браков, чтобы поддерживать иллюзию мира. Увы, все развалилось после его смерти! Морриган хитроумно использовала мое имя, чтобы подстрекать Энгуса Ога, впрочем, он в этом не нуждался. Он подчинился Морриган в моем присутствии и после этого мечтал только об одном – стереть из памяти свой позор, уничтожив меня.

– Когда ты в последний раз брал в руки Фрагарах?

– Не скажу. – Богиня помрачнела, явно разочарованная, что ее гамбит провалился, и я довольно улыбнулся. – Но если тебя интересует, продолжаю ли я оттачивать свое мастерство владения мечом, ответ «да».

– И кто же твой напарник? Полагаю, среди живущих ныне смертных вряд ли найдется настоящий воин.

– Ты права. Я тренируюсь с Лейфом Хелгарсоном, викингом из Исландии.

– Его предки были викингами?

– Он сам настоящий викинг. Приплыл в Америку вместе с Эриком Красным.

Я озадачил богиню. Долгожителей среди смертных крайне мало, а Флидас, очевидно, не сомневалась в своей осведомленности. Она замолчала, мысленно прокручивая в голове список знакомых имен, а когда ей все-таки не удалось найти в нем ни одного викинга, сказала:

– Он что, заключил сделку с валькириями?

– Нет, он вампир.

Флидас зашипела, соскочила с кровати и приняла защитную стойку, как будто опасалась, что я на нее нападу. Я замер, изо всех сил стараясь не шевелиться, но повернул голову, дабы насладиться зрелищем безупречного тела богини. Золотистые лучи заходящего солнца проникли в спальню сквозь жалюзи и разрисовали загорелые ноги Флидас сверкающими полосами.

– Ты смеешь якшаться с живыми мертвецами? – возмутилась Флидас.

Я ненавижу это словечко, хотя иногда замечаю, что сам его использую. Со времен «Ромео и Джульетты» я думаю примерно так же, как Меркуцио, когда он возражает Тибальту, обвинившему юношу в том, что он якшается с Ромео.

В общем, я подавил раздражение, присвистнул и заговорил, как в Елизаветинскую эпоху:

– Черт побери, якшаюсь? Ты намерена превратить меня в менестреля?

– Я не про менестрелей, – сердито буркнула Флидас. – Я про само зло.

Ладно, значит, она не любит великого Барда.

– Прошу прощения, Флидас, но я имел в виду всего-навсего старую пьесу мастера Шекспира, так что будь снисходительна к древнему друиду. Кроме того, мне кажется, что сейчас ты не настроена на легкую светскую болтовню, поэтому позволь мне кое-что тебе объяснить. Не стану утверждать, что я общаюсь с живыми мертвецами – ведь данный термин означает отношения, выходящие за некие четкие рамки, верно? Мистер Хелгарсон на меня работает, он мой адвокат.

– Твоим адвокатом является сосущий кровь вампир?

– Да. Он партнер в фирме «Магнуссон и Хёук». Кстати, Хёук тоже мой адвокат, он из Исландии, но он оборотень и занимается клиентами днем, а Хелгарсон – после заката.

– Общаться с членом стаи – это я понимаю и даже одобряю. Но развлекаться в компании с живым мертвецом – табу!

– Более мудрого табу не найдешь ни в одной цивилизации. Но я с ним не развлекаюсь и не намерен устраивать с ним вечеринки в обозримом – и необозримом – будущем. Жизнь не слишком веселая штука, и я не хочу, чтобы у меня выросли клыки, но, поверь мне, Флидас, мне просто необходимы его юридические консультации. Время от времени мы с ним устраиваем поединки, и тогда он выкладывается на славу! Его техника бесподобна, и его умению владеть мечом можно позавидовать, Флидас.

– Почему член стаи работает вместе с вампиром? Ему следовало прикончить мерзкую тварь, как только увидел кровососа! – не сдавалась Флидас.

Я пожал плечами.

– Мир никогда не будет прежним, Флидас. Наступило новое тысячелетие, я снова сменил место жительства и опять пытаюсь приспособиться к обстоятельствам… Да, чуть не забыл – у моих адвокатов есть общий враг!

Флидас склонила голову набок, дожидаясь продолжения.

– Тор, северный бог грома.

– Ха! – Флидас слегка расслабилась. – Он из тех, кто может заставить саламандру заключить союз с сиренами. Чем он им насолил – я говорю о твоих приятелях?

– Хелгарсон не признается, но, вероятно, Тор сделал что-то очень плохое. Стоит произнести вслух имя «Тор», как Хелгарсон скалит зубы. Ничего не поделаешь, он принципиальный тип и охотится на плотников только потому, что они пользуются молотками. Что до Магнуссона и Хёука, Тор примерно десять лет назад убил нескольких членов их стаи.

– А Магнуссон тоже оборотень?

– Да, альфа-самец. Хёук – второй после него.

– А у Тора была причина на них напасть?

– Хёук рассказал, что однажды оборотни отдыхали в заповедном норвежском лесу, а Тор убил их, повинуясь минутному капризу. С неба, которое было совершенно безоблачным, вдруг ударило восемь точно направленных в цель молний. Такое не могло произойти случайно. Убить оборотня можно не только при помощи серебра: у людей нет доступа к божественному оружию вроде молний. В общем, бедняги поджарились в мгновение ока.

Флидас смерила меня пристальным взглядом.

– Похоже, в твоем захолустье поселилась компания весьма необычных существ.

– В Аризоне полным-полно укромных уголков, – пояснил я. – Из страны фэйри добраться сюда совсем не просто, боги здесь тоже не очень часто появляются, если не считать Койота и редких гостей вроде тебя.

– Что еще за Койот?

– Бог-проказник местных жителей. По всему континенту разгуливает полдюжины его версий. Он – славный парень, но с ним не стоит заключать пари.

– А христианский Бог? Он у вас главный?

– У христиан все несколько запутанно, поэтому я и сам толком ничего не знаю, Флидас. Спроси у кого-нибудь другого, я ведь обычный древний друид. Правда, Мария навещает землю достаточно часто. Она творит чудеса… и всегда называет меня «дитя», несмотря на то что я старше ее.

Флидас улыбнулась и, забыв про вампиров, забралась обратно в постель.

– А когда ты родился? Ты уже был старым для смертного, когда мы с тобой познакомились.

– Я появился на свет во времена короля Конайре Великого, правившего семьдесят лет. Мне почти исполнилось двести, когда я присвоил себе Фрагарах.

Флидас перекинула через меня ногу и оседлала, встав на колени.

– Энгус Ог считает, что Фрагарах по праву принадлежит ему, – сказала она и принялась водить пальцами по узорным татуировкам у меня на груди. Я, будто демонстрируя нежность,

остановил руку Флидас, накрыв ее своей ладонью. Мне не хотелось, чтобы она наложила на меня заклятие. Впрочем, я сомневался, что богиня поступит со мной таким образом, просто в очередной раз включилась моя паранойя.

– У здешних жителей есть поговорка: «Владение – это девять десятых закона». А меч принадлежит мне дольше, чем кому бы то ни было на земле или в ином измерении, включая и Мананнана Мак Лира.

– Энгусу Огу плевать на поговорки смертных. Он считает, что ты своровал меч, который принадлежит ему по праву рождения, остальное для него не имеет значения.

– По праву рождения? Мананнан его двоюродный брат, а не отец. Нельзя сказать, что я украл его семейную реликвию. Кроме того, если бы это имело для него значение, он бы уже давно пришел за мечом сам.

– Ты нигде не задерживаешься надолго, друид, и тебя бывает трудно найти. Вдобавок ты научился неплохо маскироваться.

Я выгнул брови.

– Значит, чтобы положить всему конец, мне нужно тихо сидеть на одном месте?

– Думаю, да. Сначала он отправит своих слуг с приказом тебя убить, но если ты одержишь над ними верх, тогда он, возможно, явится сам. В противном случае его объявят трусом и изгонят из Тир на Ног.

– Значит, мне надо запастись терпением, – прошептал я. – Но давай отвлечемся и сменим тему. Не желаешь немного покататься, Флидас? Что скажешь?

Глава 6

Парк Папаго находится к северу от зоопарка Феникса и представляет собой уникальную местность, не лишенную растительности. Тут есть креозотовые кусты, гигантские цереусы и опунция с пухлыми листьями, похожими на плюшевых медвежат. Поверхность красноватых скал (они смахивают на горки, изолированные друг от друга) испещрена трещинами и отверстиями – они возникли здесь пятнадцать миллионов лет назад, когда грязевые потоки сперва окаменели, а затем долгое время подвергались эрозии. В наши дни эти следы древности превратились в отличный тренировочный пункт для освоения навыков скалолазания, а что до снежных баранов, то они поселились на особом огороженном участке – ближе к территории зоопарка.

Их можно иногда увидеть – если они снисходят к смертным – в той части парка, которая называется «Аризонская тропа». Но наблюдателям порой приходится использовать бинокли, поскольку снежные бараны могут запросто спрятаться среди скал. А еще они упрямы, капризны и своенравны. В общем, они прогуливаются там, где пожелают, и их никто не беспокоит – точнее, так было, пока мы с Обероном не начали их терроризировать.

Когда я охочусь с Обероном, я принимаю облик крупного рыжего волкодава с белыми пятнами и темными подпалинами на правом боку, напоминающими мои татуировки. Если бы я пришел в парк с луком и стрелами, а Оберон, как охотничья собака, выполнял бы свой прямой долг, все было бы гораздо проще, но мы оба не получили бы никакого удовольствия. Оберон всегда хотел убивать баранов «как в старину» – и совершенно неважно, что волкодавов вывели для того, чтобы они загоняли волков в лесу и вытаскивали возниц из колесниц на поле боя!.. Нет, Оберон стоял на своем: он – боевой пес, а значит, он может объявить снежным баранам войну. Что ж, я не возражал.

Причина сложности поимки барана кроется в крутых скалах, весьма недружелюбных к нашим лапам. Кроме того, падение на землю грозит весьма высокой вероятностью приземления на кактус: каждый, кто когда-нибудь сталкивался с опунциями, знает, что в реальности они не имеют ничего общего с плюшевыми медвежатами. Короче говоря, суровые условия не позволяли нам использовать весь диапазон наших возможностей, чтобы догнать дичь.

А когда мы прибыли вместе с Флидас в парк, Оберон уже был готов разорвать в клочья всех и вся. Он попытался напустить страху на быков Флидас, обнаружил, что они его не боятся, и пришел в бешенство. Я подслушал обрывки их разговора, когда мы ехали в колеснице Флидас.

‹Если бы вы не находились под защитой богини, я бы слопал вас на ужин›, – ворчал Оберон.

‹Может, у тебя получилось бы, если бы ты привел с собой еще сорок друзей, – дразнили его быки. – А один щеночек нам не страшен›.

Ха-ха-ха!

‹Не будь тут рядом богини, вы бы не были такими смелыми›.

‹Правда? Она частенько оставляет нас одних, песик. Попробуй с нами справиться, коротышка›.

Оберон злобно заурчал и оскалился, но я велел ему успокоиться, изо всех сил стараясь не показывать, что мне смешно. Немудрено, что Оберон рассвирепел по-настоящему. Назвать громадного пса вроде него коротышкой? Быки действительно понимали, как довести волкодава до белого каления.

Флидас спросила, где ей следует оставить колесницу, и я предложил использовать для данной цели огороженный постамент «Памятник охотнику». Это маленькая белая пирамида, воздвигнутая на скале, отмечает последнее место упокоения первого губернатора Аризоны.

Быки легко перескочили через ограду, колесница резко взлетела вслед за ними, и благодаря магии Флидас животные грациозно приземлились по другую сторону.

‹Умеешь так прыгать, собачонка?› – насмешливо осведомился один из быков.

Оберон лишь глухо зарычал, его переполняла такая ярость, что он уже не мог говорить.

Мы выбрались из колесницы, Оберон громко залаял, и я его приструнил.

– Мы собираемся охотиться на баранов, – напомнил я ему.

‹Тогда вперед!›

– Приготовься, друид, – вымолвила Флидас и поправила свой колчан со стрелами.

Я прогнал посторонние мысли, призвал стихийную магию земли через татуировки и стал вбирать в себя мощь пустыни. Потом я опустился на четвереньки и обратился в гончую.

Процесс перевоплощения у друидов нисколько не похож на превращение человека в оборотня, если не считать того, что оба происходят за счет магии. Одно из главных преимуществ состоит в том, что я могу делать это по собственному желанию, вне зависимости от времени суток или фазы луны. Помимо прочего, я не испытываю дискомфорта и боли, чего нельзя сказать о ликантропии, а также могу выбирать облик определенного животного из небольшого списка, который имеется в моем распоряжении.

Однако я стараюсь не слишком увлекаться данным процессом по причинам психологического толка. Конечно, в такие моменты я способен сожрать кусок сырого мяса, но, когда я, к примеру, становлюсь филином, мне бывает довольно сложно проглотить целую мышь, а если я играю роль волкодава, то я с трудом могу освежевать тушу кабана. (Пару недель назад мы убили самку оленя в лесу Кайбаб, и я мирно отошел в сторону и подождал, когда Оберон насытится.) Поэтому охочусь я в основном ради Оберона: мне просто нравятся ощущения, которые возникают в момент погони, а еще меня греет чувство причастности к тому, что я делаю кого-то счастливым.

Но сейчас что-то сразу пошло не так. Мои мысли спутались, и я ощутил, как меня отхватывает жажда крови. Я уловил запах быков Флидас, но вместо того, чтобы спокойно принять информацию, понял, что страшно проголодался, и у меня рефлекторно потекла слюна. Все было как-то неправильно, и мне следовало побыстрее покончить с «прогулкой» на лоне дикой природы.

Флидас ринулась к ограде, нагнулась и отшвырнула налево громадный ком земли. Потом она свистнула и помахала нам, чтобы мы пролезли в образовавшуюся дыру. Мы с Обероном так и сделали, после чего затрусили к скалам, где уже охотились раньше. Бежали мы почти бесшумно, чтобы, чего доброго, не спугнуть баранов. Вскоре перед нами выросла вторая ограда, но Флидас вновь расчистила нам путь.

– Вперед, мои гончие! – воскликнула богиня звучным голосом, и я внезапно понял, что я больше не друид. Я превратился в полноправного члена стаи и стал верной гончей Флидас.

– Выгоните баранов из укрытий, пусть прибегут прямо ко мне и к моему луку!

И мы сорвались с места, мы мчались быстрее, чем когда-либо в жизни, и я лишь смутно осознавал, что в дело вступила магия, причем не моя. Но железный амулет, охватывающий мою шею, как ошейник, надежно защищал меня от любых посягательств, поэтому я нисколько не беспокоился.

Вскоре мы обнаружили снежных баранов: они спали возле кустарников. Услышав шорох камешков, они резво вскочили и бросились вверх по практически вертикальному склону. У нас свело лапы, когда мы попытались запрыгнуть на уступ скалы: мне чудом удалось добраться до узкого крутого утеса, но Оберон не долетел и до него и с фырканьем повалился на спину.

‹Обойди подножие скалы и жди, – приказал я волкодаву. – Я пригоню баранов к тебе›.

‹Ладно, – не стал спорить Оберон. – Лучше схитрить, чем бессмысленно носиться кругами›.

Продолжая взбираться по склону, я не сводил глаз с убегающих баранов. Меня поразило, что я вроде бы их догонял, и я испытал такое ликование, что даже залаял в надежде испугать рогатых зверюг до полусмерти. Однако они, похоже, были созданы для того, чтобы грациозно скакать по скалам, а я – нет, и, в конце концов, я позорно отстал от баранов. Но ведь мне приходилось искать места, чтобы поставить лапы и не свалиться на землю! Я протяжно завыл: пусть бараны не сомневаются, я рядом! Нет уж, я не собирался сдаваться и пускать все на самотек. Я поймаю их – во что бы то ни стало!

Разумеется, я не знал точно, где их поджидал Оберон, но рассчитывал, что мой лай подскажет волкодаву верное направление.

Спускаться по тенистому склону оказалось гораздо сложнее, чем подниматься: крутые уступы таили в себе опасность. Вдобавок я мог оступиться, упасть в какое-нибудь ущелье – и тогда охоте конец. Но бараны, мчавшиеся в аризонском ночном полумраке, помогали мне сориентироваться в пространстве. Они неслись в южном направлении, и я слышал только цоканье копыт по камням и собственное тяжелое дыхание. Если Оберон и Флидас затаились поблизости, они сделали все возможное, чтобы бараны их не заметили.

Я опять залаял, главным образом для того, чтобы заглушить завывания возбужденного Оберона. Теперь я не сомневался в том, что расстояние между мной и волкодавом сокращалось. Я замер возле обрыва и увидел, что мне надо свернуть чуть западнее, чтобы найти подходящий спуск. Воспользовавшись моим бездействием, бараны взбодрились и припустили во весь дух. Однако я избрал правильную тактику и вскоре углядел Оберона: волкодав схоронился за креозотовым кустом – как раз неподалеку от спуска, до которого уже добралась наша добыча.

Не шелохнувшись, я наблюдал за тем, как бараны начали спрыгивать на землю. От следующей крутой скалы зверюг отделяло примерно пятьдесят ярдов с чахлыми растениями пустыни. Оберон перекрыл баранам дорогу, я продолжал заливаться лаем у них за спиной, поэтому они свернули на восток, к тропинке между скалами. Когда их упитанные туши четко обрисовались на фоне неба, стрела поразила особенно крупный экземпляр: баран заблеял и кубарем скатился вниз.

Его соплеменники, спасавшиеся бегством, даже не остановились.

Оберон подскочил к барану, чтобы его добить, однако в том не было необходимости: стрела Флидас попала ему прямо в сердце. Я был уверен, что богиня вот-вот появится, чтобы затребовать свою добычу. Я начал спускаться вниз, размышляя, довольна ли Флидас нашей краткой охотой по местам, которые мы с Обероном исходили вдоль и поперек.

К сожалению, минуту спустя выяснилось, что нас засекли. Когда я добрался до каменистого участка, где Флидас уже разделывала животное, откуда ни возьмись появился егерь с ружьем и фонарем.

Оберон, стоявший рядом с Флидас, глухо зарычал.

Егерь потребовал, чтобы мы не шевелились, и ослепил нас галлогеновым светом.

Я был невероятно удивлен. Странно, что егерь оказался таким прытким и застал нас врасплох!

Кстати, ему не следовало злить богиню – Флидас не терпела приказов, тем более со стороны смертного. В итоге Флидас выхватила из ножен нож и молниеносно швырнула его в бедолагу, прежде чем я успел и глазом моргнуть. Флидас не целилась и даже не посмотрела на него, поэтому нож не убил егеря, зато ранил его в плечо. Егерь вскрикнул и уронил фонарь, и я предположил, что он не будет в нас стрелять. Однако после секундной паузы несколько выстрелов разорвало тишину ночи: одна пуля просвистела над моей головой, а другая угодила в крупный ферокактус по соседству со мной.

Флидас крякнула, когда пуля попала ей в предплечье, и тотчас взревела от первобытной ярости.

– Убейте его! – пронзительно выкрикнула она, и я инстинктивно подпрыгнул, собираясь выполнить команду.

Оберон последовал моему примеру. Но в отличие от него мне удалось вычленить из хаоса, царившего в мозгу, некую важную мысль. Убийство егеря могло привести ко мне домой служителей закона, и тогда бы мне пришлось спасаться бегством, а я не хотел уезжать из Аризоны.

Я сосредоточился, вернул себе прежний облик и попытался трезво оценить обстановку. Флидас контролировала меня в обличье гончей, как и Оберона – как всех животных.

И действительно, Оберон не сумел противиться воле богини: у волкодава не было даже простецкого ошейника-амулета из железа. В результате Оберон повалил на спину егеря, вопившего от ужаса. Я принялся подзывать Оберона к себе, но волкодав меня проигнорировал: его связь с Флидас казалась нерушимой.

Вдобавок я не чувствовал его обычного мысленного присутствия.

– Флидас! Отпусти моего пса, немедленно! – рявкнул я, но егерь внезапно замолчал, и я похолодел.

Я опоздал: без всяких предисловий, дрожащих от страсти, мой волкодав молча и бесцеремонно разорвал глотку несчастному.

А затем мысли Оберона нахлынули на меня судорожным градом вопросов.

‹Аттикус, что произошло? Я ощущаю вкус крови! Кто этот человек? Где я? А я-то думал, мы будем охотиться на баранов. Ведь не я его убил, правда, не я?›

‹Отойди от него, и тогда я тебе все объясню. ›

Если на своем веку ты видел тысячи смертей, не возникает сомнений в том, что случилось. Никто не путает слов от изумления, не рыдает и не рвет на себе волосы. Ты всего лишь принимаешь ситуацию как должное и размышляешь о последствиях. Но если последствия катастрофические, тогда можно демонстрировать свои чувства сполна.

– В убийстве *не* было необходимости! – заорал я, стараясь смотреть только на труп. – Мы могли разоружить егеря. Его смерть доставит мне и моему волкодаву кучу проблем!

– Не пойму, каким образом, – парировала Флидас. – Сейчас мы избавимся от тела.

– Это совсем не просто. Наступили другие времена! Труп обязательно найдут, а потом обнаружат собачью ДНК в ранах.

– Кто найдет? Ты имеешь в виду смертных? – спросила охотница.

Что делать, если тебе надо воззвать к богам, чтобы они даровали тебе терпение, как раз в тот момент, когда ты сам общаешься с богом?

– Именно! – рявкнул я.

– А что такое ДНК?

Я сжал зубы и услышал в прозрачном воздухе пустыни короткие всхлипывания Койота, который надо мной потешался.

– Неважно.

– Я считаю, хорошо, что он мертв, друид. Он попал в меня и пытался застрелить тебя. И он помешал мне, чего не должно было произойти. Он получил по заслугам.

Должен признаться, реплика Флидас разбудила мое любопытство, и я приблизился к телу егеря, приказав Оберону держаться поодаль.

‹Аттикус? Ты на меня сердишься?› – скулил пес.

‹ Нет, Оберон. Это сделал не ты, а Флидас. Она превратила твои челюсти в оружие, подобное своему ножу или луку›.

Оберон завыл во весь голос.

‹Я ужасно себя чувствую. Меня тошнит. Фу!› – Он закашлялся, и его вырвало на сухую, каменистую почву.

Я присел на корточки, чтобы получше рассмотреть егеря. Он оказался молодым латиноамериканцем с тоненькими усиками и пухлыми губами. Его аура исчезла, поскольку его душа уже отправилась в далекое путешествие, однако я воспользовался подвеской-оберегом, чтобы проверить наличие магического спектра. Обнаружив следы волшебства друидов в алмазном гвоздике, который поблескивал в левом ухе егеря, я не на шутку встревожился.

Поднявшись, я кивнул на парня.

– Флидас, в его сережке присутствует магия. Ты можешь определить ее цель и, возможно, происхождение?

Я слукавил: происхождение не вызывало у меня сомнений, хотя узлы в заклинаниях озадачили меня. Поэтому я решил учинить Флидас проверку: если она подтвердит, что здесь приложили руку друиды, и поймет, чего они хотели, значит, она – не двойной агент. Если же она скажет, будто это колдовство вуду, тогда я буду знать, что она пытается отвертеться. Я услышал скрип мелких камешков под ногами Флидас, которая забыла про убитого барана и свою раненую руку. Наклонившись к телу егеря, богиня принялась разглядывать сережку.

– Все ясно! Обычные фэйри на такое не способны. Его явно контролировал Туата Де Дананн.

– Ладно, – вздохнул я, убедившись, что она не лжет. – Я уверен, что тут замешан Энгус Ог. Он снабдил егеря скрывающим заклинанием и резко его убрал, когда тот заговорил с нами. Ну а мы его убили… Да, Энгус обожает подобные развлечения.

Я не стал добавлять, что Флидас тоже их любит. Мне захотелось составить компанию Оберону, так сильно меня затошнило от отвращения к созданиям, которые полностью лишали других собственной воли.

Однажды я решил поискать Энгуса Ога в Интернете, чтобы выяснить, имеют ли смертные хоть какое-то представление об его истинной природе. Они описывают его как бога любви и красоты, рядом с которым всегда находятся четыре птицы, олицетворяющие поцелуи или нечто в этом роде. Но кому понравится, если вокруг его головы станут постоянно кружить птахи, которые будут в довершение всего вопить и гадить? По крайней мере, не Энгусу!..

Зато другие ссылки показали Энгуса с нелицеприятной стороны. Ведь он хитростью отобрал дом у собственного отца, после чего убил мать и отчима. А еще бросил безнадежно влюбленную в него девушку, и та зачахла, скончавшись от горя через несколько недель. Таков кельтский бог любви Энгус Ог.

Нет, он совсем не ангелок с милыми крылышками и не Афродита, родившаяся в гигантской морской раковине. Он не великодушен, не милосерден и не склонен всегда хорошо себя вести. И, хотя мне больно в этом признаваться, наш бог любви является весьма безжалостным существом. Он думает исключительно о собственном благе, вечно интригует и очень мстителен.

Неожиданно тишину разорвал вой сирен, и я вздрогнул.

– Что за шум? Сюда едут колесницы органов правопорядка смертных? – спросила Флидас.

– Угу.

– Как думаешь, они скоро здесь будут?

– Скоро! Ведь Энгус Ог и меня решил превратить в труп, – ответил я.

Но я умолчал о том, что, даже если полиция прочешет весь парк Папаго, вероятность того, что нас найдут, практически равнялась нулю. Повторяю, я умел хорошо маскироваться.

– Полагаю, ты не захочешь, чтобы я убила смертных представителей властей, – сурово изрекла Флидас. – Надеюсь, я могу спокойно забрать свою добычу?

Флидас была настроена крайне серьезно. Она бы убила копов без малейших колебаний. А ее тон свидетельствовал о том, что богиня рассчитывала на благодарность с моей стороны, поскольку она, образно говоря, не держала меня на коротком поводке.

– Ты права, Флидас. Но раз уж я живу среди смертных, на меня распространяются их законы, и я не хочу привлекать к себе ненужное внимание.

Охотница состроила гримаску.

– Тогда нам нужно спешить. Я попрошу землю поглотить труп, – процедила она, выдернув нож из плеча мертвого егеря.

Я покачал головой:

– Полиция выкопает тело, как только мы исчезнем. Но давай все-таки похороним его, поскольку это лучшее, что мы можем сделать. Думаю, стихия частично уничтожит улики.

Флидас зашептала заклинания на древнем языке, и кожа вокруг ее татуировок на мгновение полыхнула белым пламенем. Богиня нахмурилась: аризонская почва оказалась сухой и неплодородной, так что Флидас пришлось приложить гораздо больше усилий, чем обычно.

– Оскилл, – промолвила она, прочертив в воздухе круг, и посмотрела на труп.

Я затаил дыхание: магия начала действовать. Сперва из-под тела егеря в разные стороны полетели камешки, затем земля вспучилась, и труп начал свое погружение в ее недра.

– Дун, – пробормотала Флидас и махнула рукой – и тело действительно как сквозь землю провалилось.

Я бы тоже смог сотворить схожее заклинание, но не столь быстро. Впрочем, Флидас не слишком старалась: полиция без труда поймет, где искать труп.

Между тем сирены выли уже совсем близко.

– Возвращаемся в колесницу, – буркнула Флидас.

Я кивнул и, позвав Оберона, сорвался с места. Флидас задержалась, чтобы забрать лук и вытащить стрелу из барана.

Догнав нас, она побежала рядом со мной.

Когда мы добрались до колесницы, сирены вырубились, и до нас донесся стук открывающихся дверей автомобиля. Что ж, будь что будет, подумал я, решив, что у копов, конечно же, есть опытный проводник, который знает Папаго как свои пять пальцев.

Наверное, их поиски увенчаются успехом, поэтому нам с Флидас надо поторопиться.

‹А почему ты не машешь хвостом, песик?› – ехидно поинтересовался один из быков.

‹Ты плохо себя вел?› – спросил другой.

Прежде чем я успел открыть рот, Флидас велела им замолчать, и я порадовался, что Оберон не стал огрызаться. Флидас окутала нас заклинанием невидимости – чудесный трюк, – и мы без промедления помчались прочь.

Флидас кипела от ярости.

– Моя первая охота в Новом Свете, – прошипела она сквозь стиснутые зубы, – и ее испортил Энгус Ог. Но я буду отмщена. Флидас может быть очень терпеливой.

– Ты справишься, – согласился я, подумав, что она опасная социопатка. – У меня терпение на исходе.

Глава 7

Вернувшись домой, я рассыпался перед Флидас в извинениях и льстивых похвалах, но намекнул ей, что, если меня атакуют фир болги, мне нужно достойно подготовиться к их визиту.

Она тотчас начала собираться.

– Если ты победишь, друид, возможно, мы с тобой в ближайшем будущем выберем время и спокойно поохотимся. Благословляю тебя!

Она ласково погладила Оберона по голове (причем волкодав попытался отпрянуть и заурчал), а затем попрощалась с нами обоими и растаяла в воздухе.

Спасибо Флидас за ее благословение, но рассчитывать на то, что ее лук будет защищать наши с Обероном шкуры, явно не стоило. Богиня не могла допустить, чтобы все узнали о ее поступке – а ведь она встала на мою сторону в конфликте с Туата Де Дананн!

После ее ухода я прошествовал на кухню, с облегчением вздохнул и позволил себе немного расслабиться.

Когда я плюхнулся на кухонный стул, Оберон подошел ко мне. Вид у него был понурый и унылый, хвост он поджал между лап.

‹Аттикус, мне очень жаль›, – промямлил он.

‹Ты ни в чем не виноват, – напомнил я ему. – Флидас использовала тебя, как оружие, а Энгус Ог хотел, чтобы тот человек умер. Но нам с тобой теперь придется быть начеку›

‹Потому что я его убил›, – не унимался Оберон.

‹Флидас заставила тебя. И тем не менее это означает, что тебя тоже убьют, если полиция сумеет нас найти›.

‹Я даже не помню, как все случилось›.

‹Знаю. И поэтому мы никогда не будем с ней охотиться. Она и на меня оказала очень сильное влияние, и мне совсем не понравилось находиться под ее контролем, дружище›.

‹Ты никогда прежде с ней не охотился?›

‹Никогда в облике животного. Но я иногда сопровождал ее в путешествиях по Евразии. Флидас учила меня стрелять из лука, сидя в седле. Это – очень сложная штука. Но если ребята из полчищ Чингисхана справлялись, то, естественно, я тоже должен был научиться›.

‹Я не понял ни одного слова из того, что ты сейчас сказал›.

‹Не страшно. Послушай, приятель, нужно тебя хорошенько помыть. Отправляйся в ванную комнату, Оберон›.

‹Могу я еще немного поваляться в грязи?›

‹Нет, надо, чтобы ты был безупречно чистым. Если на тебе найдут хоть каплю крови, то сразу же убьют›.

‹Но ты ведь не допустишь, чтобы меня нашли?›

‹Сделаю все, что в моих силах, Оберон›.

Я встал со стула, и Оберон затрусил по коридору в сторону ванной, снова помахивая хвостом.

‹Ты мне расскажешь про потаскушек Чингисхана, пока будешь меня мыть?›

‹Полчища, а не потаскушки. Впрочем, если ты про это вспомнил, у него имелось и то, и другое›.

‹Похоже, он был занятым парнем›.

‹Ты и не представляешь насколько›.

Мы отлично провели время, швыряя друг в друга мыльную пену под краткую версию истории империи Чингисхана, после чего я занялся подготовкой к визиту фир болгов – что в основном свелось к крепкому ночному сну. Я знал, что они не станут нападать на меня в доме,

посчитав, что тот надежно защищен, а это, кстати, вполне соответствовало действительности. Значит, они дождутся, когда я покину свое жилище, а затем набросятся на меня, совсем как банда школьных хулиганов. Ну и пусть!

В общем, сперва я решил расслабиться и отдохнуть перед поединком.

Я выспался, а утром спокойно сделал себе омлет с сыром и луком, полил его соусом «Табаско» и приготовил тост из хлеба из цельной пшеницы. Еще я поджарил сосиски, но большая их часть досталась Оберону. Потом я сварил нам обоим кофе из свежесмолотых органических зерен, доставленных из Центральной Америки (я предпочитаю черный, а Оберон – кофе с ликером «Айриш Крим» и несколькими кубиками льда).

‹А Чингисхан пил кофе?› – спросил Оберон.

Похоже, он хотел быть собачьим Чингисханом с целым гаремом французских пуделих с кличками вроде Фифи или Бемби. Меня невероятно развлекала эта особенность Оберона: в прошлом он мечтал стать Владом III Басарабом,[16] Жанной д'Арк, британским философом и общественным деятелем Бертраном Расселом, короче говоря, каждой исторической личностью, о которых я ему рассказывал в ванной комнате во время купания. Период Либераче[17] весьма меня порадовал: вы не жили, если не видели ирландского волкодава, разгуливающего по двору в пиджаке из золотой парчи со стразами.

‹Чингисхан обожал чай и молоко яков. В его времена еще не знали, что такое кофе›.

‹Тогда можно мне чашечку чая?›

‹Конечно. Я его остужу после того, как он заварится, чтобы ты не обжег язык›.

После того как я убрал со стола, а Оберон-хан насладился чаем, пришла пора превратиться в мишень.

Я вышел босиком во двор, предварительно велев Оберону «активировать» режим охраны, и занялся поливкой огорода. При этом я, как всегда, разговаривал с растениями и подбадривал их (разнообразные лечебные травы и специи росли в деревянных ящиках, прикрепленных к забору). Еще я вскопал грядки с овощами и навалил в сторонке немного свежей земли, чтобы Оберон мог всласть поваляться на ней.

Занимаясь рутинными делами, я использовал связь с природной стихией, чтобы проверить заклинания на прочность. Сосредоточившись на магии, струящейся в татуировках, я искал не только колдовские бреши в заклятиях, но и любые мелочи, на которые следовало обратить внимание. Пока все было тихо.

На ветке акации в соседском дворе сидел кактусовый крапивник и наблюдал за мной. Я притворился, что собираюсь бросить в него камень, и он тотчас улетел. Значит, он был обычной птицей, а не посланником Энгуса.

Поставив лейку возле грядки, я покачал головой.

– Тимьяна никогда не бывает достаточно, – проворчал я, снял с забора ящик и вывернул его содержимое на лужайку.

Сильный запах компоста ударил мне в ноздри, и моему взору предстал длинный узкий предмет, плотно завернутый в промасленную кожу.

– Ничего себе! – с деланым удивлением вскричал я. Оберон узнал мой тон и даже не повернул голову. – Кто-то спрятал в ящике древний волшебный меч! Как глупо!

В этот момент я почувствовал себя наиболее уязвимым, поскольку даже я сам не мог использовать Фрагарах по его прямому назначению. Три заклинания и особая защита работали на полную катушку.

---

[16] Влад III Басараб, также известный как Влад Дракула и Влад Цепеш, – князь Валахии в XV в. Прототип вампира графа Дракулы в одноименном романе Брэма Стокера.

[17] Владзи Валентино Либераче (1919–1987) – известный американский пианист, певец и шоумен.

Заклинания наложил я сам, причем постарался на славу.

Тут надо сделать небольшое отступление. Используя магию, мы, друиды, связываем или, наоборот, разъединяем стихийные элементы. Когда я меняю обличье, я сплетаю свой дух с обликом конкретного животного. Призыв тумана или ветра – тоже своеобразная связь, как и те ситуации, когда я прибегаю к маскировке или позволяю Оберону общаться со мной телепатически. Это возможно, потому что мы объединены с миром природы, мы буквально укоренены в нем. В противном случае у нас бы ничего не получилось.

Каждый день мы ощущаем сотни связей и можем соединить, казалось бы, несопоставимые элементы – поэтому мы и разбираемся в законах магии лучше, чем остальные практики. Наше понимание природы делает нас мастерами своего дела: мы можем приготовить отличное лекарство, сильнейший яд и отменный коктейль. Мы способны бежать часами, не испытывая усталости, и быстро излечиваемся практически от любых недугов. В принципе мы полезные ребята для окружающих. К тому же мы не швыряемся огненными шарами и не взрываем людям головы: такая магия возможна лишь при абсолютно иной картине мира – и при связывании своего духа с исключительно отвратительными сущностями.

Заклинания, наложенные на Фрагарах, были весьма эффективными. Одно удерживало промасленную кожу закрытой. Другое – не выпускало меч из ножен. Третье запечатывало его на территории заднего двора.

Ну а снять их можно было только при помощи капли моей крови и слюны, которые я, разумеется, не склонен раздавать даром.

Но самой лучшей защитой стал колдовской плащ: он окутывал меч, ножны и кожу и полностью скрывал все следы магии. Потрясающая вещь: даже я не почувствовал на мече никаких заклинаний! И хотя Фрагарах являлся одним из самых мощных артефактов в мире и должен был пульсировать энергией фэйри, он мирно лежал передо мной и смахивал на театральный реквизит.

К счастью, плащ скрывал его и от Туата Де Дананн: богиня Флидас не ощутила его присутствия, когда нагрянула ко мне в гости.

Признаюсь, что создание колдовского плаща намного превосходило мои возможности: подобные заклинания друидам недоступны. Симпатичная местная ведьма сплела его для меня, а я в благодарность полетел в Сан-Франциско, взял напрокат машину, доехал до округа Мендосино, превратился в морскую выдру и нырнул в Тихий океан. В конце концов, я сумел достать со дна морского старинное золотое ожерелье с крупными рубинами. Сокровище было зажато в руке скелета, припорошенного песком (точными координатами его местоположения меня снабдила та самая ведьма).

Моя знакомая была невероятно довольна, когда получила подарок, но даже спустя два тысячелетия владения магическими знаниями я так и не понял, для чего ей понадобилось ожерелье. Вот такие они, женщины.

Завершающим аккордом нашей сделки стала одна важная деталь: магия плаща рассеивается только в том случае, если я проливаю на него максимальное количество слез. Должен признаться, что вызвать их по желанию для меня было практически невозможно, пока я не посмотрел «Поле его мечты». Когда Кевин Костнер в конце фильма спрашивает у отца, хочет ли тот побросать мяч, я полностью теряю над собой контроль. По-моему, любой, с кем этого не происходит, либо смотрит кино в смешанной компании и сдерживает себя, либо судьба благословила его необычно отзывчивым отцом. Я же начинаю заливаться слезами, совсем как девчонка, которую бросил парень, всякий раз, когда вижу эту сцену – или даже если прокручиваю ее в голове. Мой батюшка никогда не стал бы играть со мной в мяч – и не важно, что он умер две тысячи лет назад и тогда бейсбол еще не изобрели. Его представления о правильном воспитании заключались в том, чтобы швырнуть своего сына в яму со смолой с целью преподать ему урок, хотя я так и не понял какой – разве что убрать с глаз как можно дальше.

Поэтому, когда появляется причина, по которой я считаю необходимым снять магический покров, я думаю про «Поле его мечты», и слезы начинают струиться по моим щекам, точно горные реки по склонам.

Заклинания исчезли от капли моей крови из проколотого пальца и слюны из моего рта. Я бережно развернул промасленную кожу и увидел изысканные ножны шоколадного оттенка, из которых выступали золотая гарда и рукоять, тщательно обернутая полосками сыромятной кожи. Надо сказать, что, хотя волшебный клинок не покрывали стальные спирали, он выглядел идеально – Фрагарах был прямым, рельефным и смертоносным.

Длинный кожаный же ремень, пропущенный через кольца ножен, позволял закинуть их за спину: и я так и сделал – чтобы подразнить и одновременно обещать кару тем, кто попытается отнять Фрагарах у меня.

Немного подумав, я вытащил клинок из ножен, решив, что сперва нужно его проверить, хотя мне просто хотелось им полюбоваться.

Естественно, меч оказался в полном в порядке: влажность не причинила ему никакого вреда.

Фрагарах буквально пел и сиял в лучах солнца, и я опять восхитился силой заклинания, соткавшего вокруг него магический плащ. Вес, балансировка и орнамент на клинке радовали меня, как вновь обретенные старые друзья. И хотя я знал, что держу в руке Фрагарах, пульсация магии, которую я обычно чувствовал, отсутствовала напрочь. Фир болги не поймут, что это Фрагарах, пока он не разрубит их оружие и кости, будто они сделаны из рисовой бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.